Алексей
АТЕЕВ

НАША
МИСТИКА

КОД розенкрейцеров

Алексей Атеев

Код розенкрейцеров

«Эксмо»

2005

Атеев А. Г.

Код розенкрейцеров / А. Г. Атеев — «Эксмо», 2005

В начале Второй мировой в провинциальный Тихореченск привозят четверых детей-близнецов. Вроде бы ничем не примечательный факт, если бы не одно обстоятельство: близнецы – посланцы тайного ордена розенкрейцеров. Рыцари этого ордена знают, где и когда должен произойти контакт с Нечто. Близнецы и осуществят этот контакт. Попытки агентов КГБ и нацистской службы СС «Аненербе» ликвидировать близнецов и сорвать контакт кончаются крахом. В урочный вечер посвященные собираются вместе и отправляются на кладбище, где в тайном склепе покоится стеклянный гроб. Момент контакта неумолимо приближается...

© Атеев А. Г., 2005
© Эксмо, 2005

Содержание

ГЛАВА 1 5
ГЛАВА 2 19
ГЛАВА 3 31
ГЛАВА 4 44
ГЛАВА 5 49
ГЛАВА 6 57
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Алексей Атеев
Код розенкрейцеров

ГЛАВА 1

Летним утром 1959 года аспирант исторического факультета Тихореченского педагогического института Егор Александрович Олегов отправился на дачу.

Стоял самый конец июня, занятия в институте закончились, и Егор оказался совершенно свободен. Семья – жена и двое детей – пребывала на даче уже две недели.

Вагон пригородного поезда оказался почти пустым. Оно и понятно – понедельник. Рабочие и служащие уехали более ранним рейсом, а сейчас отправлялись в путь те, кому спешить особенно некуда: отпускники вроде него, пенсионеры и прочие праздные личности. Егор вошел в вагон ни на кого не глядя, уселся на сиденье, рядом поставил туго набитый портфель, на пол вагона опустил объемистую сумку, достал из портфеля захваченную из дома «Правду» и уткнулся в первую страницу газеты, где крупный заголовок сообщал о начале работы пленума ЦК КПСС. В этот миг паровоз издал резкий гудок, состав дернулся, и Егор едва не свалился со скамьи.

– Безобразие! – возмущенно произнес он вслух.

– Это они всегда так делают, – тут же поддержал его сидящий поодаль старичок с удочками. – Озорные ребята, эти путейские…

Но Егор, не желая вступать в беседу, демонстративно уткнулся в газету.

– Чего же нынче пишут? – не отставал словоохотливый дедок. Он подвинулся и заглянул через плечо Олегова. – «Информационное сообщение», – прочитал он по складам. – Серьезное политическое мероприятие. Опять Никита Сергеевич резолюции намечать будет…

Старик несколько раз кашлянул и замолчал, ожидая ответной реплики. Так и не дождавшись, он вновь перешел в наступление.

– А кто это такой в нижнем углу? – поинтересовался он, тыча пальцем в газету. – Орденов-то сколько!

– Император Эфиопии Хайле Селассие, – довольно сердито объяснил Егор. – Приезжает к нам с государственным визитом.

– Император, значит, – глубокомысленно повторил старик. – А вот скажите мне, молодой человек, – сказал он, усаживаясь напротив Олегова и косясь на его обширную лысину и очки, – зачем они к нам все ездят, эти императоры?

Видя, что от старика не отвязаться, историк отложил газету.

– Дружеские отношения налаживают, – объяснил он.

– Ну да, ну да, дружба – это конечно… Одного только не пойму. Может, вы мне растолкуете. Мы своего императора Николашку в восемнадцатом шлепнули, так неужели этому Хайле не обидно, что, так сказать, коллега по работе сгинул вместе с семейством ни за что ни про что? Может, и его ждет та же участь, чего ж он к нам прет?

Егор Александрович усмехнулся. Старичок, видать, был непрост. Тот расценил усмешку Олегова по-своему.

– Ладно-ладно, провокационных разговоров вести больше не буду. Не боись, товарищ ученый. Вы ведь ученый?

Пришлось рассказать попутчику, кто он и откуда.

– А куда едешь-то? – не унимался дедок. Он обращался к Олегову то на «ты», то на «вы», видно, нарочно поддразнивая. Узнав, что Олегов едет на станцию Забудкино, расцвел.

– Как же, знаю. Дружок у меня там проживает. Отличные, скажу вам, места. Леса сосновые – что твой Шишкин. Знаете Шишкина – художника?

Олегов сказал, что знает.

– Хорошие леса, – продолжал старик. – Сосны эти – что твои мачты… Грибов много, ягод… И рыбалка неплохая. Там в лесу есть озеро. Лихим называется. Уж не знаю, почему так жутко зовется. Так вот, окунь в нем клюет отменный, ерш также… А если умеючи, можно и линя изловить.

Дед еще долго рассказывал о достопримечательностях Забудкина и достоинствах своего приятеля, страшного матерщинника и пьяницы. Однако эти качества старик вовсе не ставил ему в вину, а напротив, говорил он о них с ласковой гордостью.

– Полчаса может материться и ни разу не повторится, – уважительно рассказывал он, – не зря всю жизнь извозом промышлял.

Столь живописные подробности вдохновили попутчика на новые откровения, и он, видимо, доложил бы и про остальных знакомцев, которых, судя по всему, у него было немало, но оказалось, что старику нужно выходить. Сердечно прощаясь и заверяя, что они наверняка встретятся еще не раз, старик заторопился к выходу, и Олегов остался в одиночестве. Он даже пожалел, что оказался без попутчика, с которым дорога не так длинна.

Идеи с дачей Егор не одобрял. Еще зимой жена сначала нерешительно, потом все активнее заговорила о том, что дети часто болеют, то и дело простывают, их необходимо закалять, поить парным молоком. Нужно, чтобы они бегали босиком по траве и тому подобное…

Егор против всего этого, естественно, не возражал, но самого себя в деревенской глуши представить не мог. Однако жена, не дожидаясь его согласия, провела самостоятельную рекогносцировку, вычислила это самое Забудкино, съездила туда в середине мая, договорилась о даче, а как только начались каникулы, уехала с детьми из города.

Вначале холостая жизнь даже понравилась Олегову, но восторгов хватило ровно на три дня. Конечно, питаться можно и в столовой, однако прочие мелкие неудобства грозили перерасти в бедствие. Жена раза два приезжала и ненавязчиво намекала, что пора бы семье воссоединиться. Наконец Олегов не выдержал и скрепя сердце отправился в сельскую местность.

Больше всего его угнетала мысль, что там, очевидно, будет невероятно скучно, кроме того, в деревне, несомненно, обитают комары и мухи, которых Олегов недолюбливал. Впрочем, он успокаивал себя мыслями о российских классиках, которые время от времени, а иные и постоянно жили в деревне, и это обстоятельство явно не мешало их творческому развитию. И, опрометчиво решив заняться на даче работой над диссертацией, историк двинулся в путь.

В вагоне, кроме Олегова, осталось всего два человека: старушка с плетеной корзиной – не то грибница, не то огородница – и приткнувшийся в углу, сладко спящий молодец лет двадцати.

В вагоне царил тот еще аромат: смесь запахов угольной пыли, дыма, немытой одежды и мочи, который Олегов про себя охарактеризовал как запах беды. Он вдоволь надышался этим запахом, когда они с матерью и сестрой в августе 1941-го ехали в эвакуацию с Украины. С тех пор прошло много лет, но до сих пор жуткие дни и ночи стояли в памяти, словно все случилось только вчера. Месяца два добирались они до места, раз попали под бомбежку. Рев самолетов, оглушительный грохот разрывов и мать, мечущаяся возле вагонов, прижимая к себе детей.

Олегов неожиданно так разволновался, что чуть было не заплакал. Он судорожно сглотнул и уставился в окно. Казалось, с тех пор ничего не изменилось: те же телеграфные столбы, щиты снегозадержания, будочки стрелочников.

– Все то же, то же… – произнес он вслух. Пункт эвакуации Тихореченск стал для них второй родиной. Отца убили на фронте, и после окончания войны на Украину было решено не возвращаться. Мать осталась работать в Тихореченском педагогическом институте, который позже окончили они с сестрой. Жизнь в общем-то не баловала Егора. Хотя и особых про-

блем у него не имелось. Все шло по накатанной колее. Институт, комсомол, распределение в одну из городских школ, женитьба на сокурснице. Снова институт. Аспирантура… Налаженный быт, без взрывов и потрясений. Путь, почти досконально известный наперед до самой пенсии. Самое яркое впечатление жизни – война, эвакуация. Вот сейчас он едет в неведомое ему Забудкино, а зачем? К чему вся эта суета?

Неожиданно ему пришло в голову, что, поддавшись мелкой философии, можно проехать свою станцию. Ведь он даже не знает, когда выходить.

– Послушайте, – обратился он к старушке с корзиной, – а Забудкино?.. Скоро ли оно будет?

Но то ли старушка была глухонемой, то ли просто стеснялась вступать в беседу с культурным человеком в очках, но она ничего не ответила обеспокоенному страннику, зато откликнулся сладко спавший молодец.

– Не трухай, земляк, – на раскрывая глаз, неожиданно заявил он сочным баритоном, – держись за меня, все будет законно.

Успокоенный четким и ясным ответом, аспирант затих и лишь время от времени посматривал на неразговорчивую старушку. Простой народ довольно часто вызывал у Егора чувство недоумения.

Примерно через полчаса молодец вскочил, словно подброшенный незримой пружиной, и махнул Олегову рукой, призывая следовать за собой. Аспирант подхватил сумки и бросился следом. В секунду оба они спрыгнули на щебеночную насыпь. Поезд, видно, только этого и ждал, потому что тотчас тронулся.

– С тебя на чекушку, – хмуро произнес молодец.

Потрясенный такой наглостью, Егор полез в карман.

– Шутка! – выкрикнул малый, захохотав как бешеный, и тут же куда-то исчез.

Олегов остался один. Сквозь тонкие подошвы сандалий явственно ощущались острые края щебенки. От нагретых солнцем шпал сильно пахло креозотом, и этот крепкий и терпкий запах смешивался с волнами другого запаха, нежного и чуть тревожного. Так мог пахнуть только летний, усеянный цветами луг. И хотя над головой аспиранта журчал жаворонок, его, казалось, обступила странная нереальная тишина, как будто он попал на другую планету.

Егор внезапно почувствовал, что может вот-вот лишиться чувств. Голова сладко закружилась, мир, казалось, качнулся. Олегов часто задышал и машинально стер выступившую на лбу холодную испарину.

– Папа! Папа! – неожиданно услышал он где-то совсем рядом, и мир сразу встал на свое место. Навстречу, радостно смеясь, бежали его дети, следом, улыбаясь, шла жена.

За то малое время, которое Олегов провел на даче, ни о какой работе не могло быть и речи. Дети буквально не отходили от отца. Они то тащили его в лес, то заставляли мастерить из подручных средств игрушки вроде корабликов из сосновой коры с тряпичными парусами, деревянных вертушек, бумажных голубей. Жена только посмеивалась.

Пресловутая дача на самом деле представляла собой обычную деревенскую избу, состоявшую из сеней и одной тесной комнатушки, добрую треть которой занимала огромная русская печь.

– Как Емеля-дурачок на печи, – хихикала младшая дочь, шестилетняя Таня.

Олегов кисло улыбался в ответ на лестное сравнение. Лежать на печи, несмотря на матрас, оказалось не очень-то удобно, однако историк мужественно терпел, рассудив, что вряд ли можно что-нибудь изменить. Впрочем, новое местожительство показалось ему даже уютным. На бревенчатых стенах, из пазов которых высовывались пучки пакли и высохший мох, висели клеенчатые коврики, расписанные такими яркими розами и георгинами, что от их долгого созерцания начинали болеть зубы. На подоконнике краснели неизменные герани, пол застелен

домотканными половиками. «Словом, сельская идиллия», – как иронично заявил в первый же вечер Олегов.

– Идиллия не идиллия, – спокойно отозвалась жена, – а приволье. Для детей, во всяком случае.

Владелицей дома оказалась пожилая, но еще крепкая женщина, которую звали Анисья Трофимовна. Сейчас она обитала в соседней большой, украшенной резными наличниками избе вместе с бородатым могучим стариком.

– Сожитель ее, – негромко произнесла жена, косясь на детей. – Просто сатир какой-то, даже ко мне пытался приставать. – Она хихикнула. – По словам хозяйки, после того как овдовел, чуть ли не на следующий день залез к ней в койку.

Олегов отнесся к услышанному без особого восторга. Он подозревал, что старик и есть тот самый пьяница и матерщинник, о котором рассказывал ему в вагоне старичок с удочками.

Да, собственно, какое ему дело. Он приехал сюда отдыхать. Кроме избы на территории дачи имелся довольно большой, засаженный картошкой, помидорами и прочей огородной овощью участок земли, в дальнем углу которого притулилась низенькая приземистая баня.

– В субботу истопим, – сказала жена, указывая на баню. – Сначала помою детей, а потом и мы с тобой…

– Вместе? – удивился Егор.

– А что тут такого, здесь все так делают.

– Сельская непосредственность. Однако деревня влияет на тебя довольно странным образом.

Жена пожала плечами, но развивать банную тему дальше не стала.

Егор Александрович представлял, что называется, тип исконно городского жителя, в деревне он бывал два-три раза, да и то очень кратковременно. Но, удивительное дело, ему начинало здесь нравиться, в чем, правда, он стеснялся признаться даже себе. Больше всего его занимал лес, который подступал к самому дому. Даже ворота усадьбы были приделаны к двум высоченным соснам, а прямо за ними раскинулся могучий, хоть и сильно поредевший бор. В первый же день дети упросили отца пойти с ними в лес.

– Тут ежи водятся, – сказал старший сын, когда они шагали по хорошо утоптанной тропе.

– И зайцы, – добавила дочь, – и волки… Папа, поймай мне ежа.

Егор стал объяснять, что ежей ловить не нужно, что они приносят пользу, уничтожая вредных обитателей леса, что, в конце концов, у них тоже есть дом и дети… Тут он внезапно запнулся и замолчал. «Что я мелю, – с удивлением подумал он. – Неужели я действительно такой зануда…»

– Дальше, – напомнила дочь.

– Что дальше?

– Про ежиных детей…

И Егор стал на ходу выдумывать сказку про ежиную семью и преследующего ее хромого серого волка.

Лес был полон света, медно-красные стволы сосен, почти без сучьев внизу, вздымались к небу, одуряюще пахло разогретой сосновой смолой, желтоватые прозрачные капли которой застыли на стволах и сверкали в солнечных лучах, словно кусочки янтаря.

Олегов оборвал на полуслове историю про ежей и стал рассказывать детям про янтарь.

– Вот смотрите. – Он показал на крошечного паучка, увязшего в смолистом натеке. – Когда-нибудь этот кусочек смолы окаменеет, и паук, попавший в него, сохранит свой первоначальный вид сотни и тысячи лет. Есть такой драгоценный камень – янтарь. Он представляет собой именно окаменевшую смолу хвойных деревьев. И насекомые, увязшие в них миллионы лет назад, так и остались в смоле. Мухи, пауки, разные жуки…

– И люди?! – удивленно вскрикнула девчушка.

– Что люди?

– Люди тоже попадали в смолу и застывали вместе с ней?

– Балда, – засмеялся сын, – людей тогда еще не было. – Он уже ходил в школу и немного разбирался в жизни.

– Да, людей, конечно, в янтаре не находят, – подтвердил Егор Александрович, – даже если бы человек попал в подобную смолу, он наверняка сумел бы выбраться из нее. Человек сильнее обстоятельств, – повторил он вычитанную где-то сентенцию и вновь поймал себя на том, что произнес банальность.

– А ежи? – не отставала дочь. – Если еж заберется в такую смолу, он сможет из нее выбраться?

– Не знаю, – почти не слушая ее, произнес Олегов, занятый своими мыслями. – Наверное, сможет.

– Интересно было бы найти такого ежа, – продолжила Таня. – Ну, который в янтаре… или человека. Человека еще лучше… Ведь его, наверное, можно оживить. Представляете, человек жил давным-давно, когда еще водились всякие короли, Змеи Горынычи, Кощеи Бессмертные. И вдруг он в нашем времени… Вот удивится!

– Чему же? Ведь он привык к чудесам. Просыпается – и нет никаких чудес. Как Спящая красавица… Папа, ведь сейчас чудес не бывает?

Но Олегов не успел подтвердить этот факт. По стволу к самой кроне мгновенно взлетела белка, и дети восторженно запрыгали возле дерева, запрокинув головы вверх.

На третий день к вечеру пошел дождь. Сначала мелкий и теплый, он постепенно превратился в ливень с грозой. Совсем стемнело. Семейство Олеговых поужинало и стало укладываться.

– После такого дождя, наверное, в лесу много грибов будет? – высказала предположение жена, шурша в потемках одеждой. – Хорошо бы набрать маслят и поджарить их. Да с лучком, да с картошечкой!

Грибная тема звучала минут пятнадцать, потом реплики стали слабее, несвязнее и наконец сменились сонным посапыванием.

Олегов лежал на своей печи и слушал, как капли дождя методично долбят по крыше, он уже почти заснул, как вдруг услышал озабоченный голос жены:

– Потоп!

Зажгли свет. Дети беспокойно завозились, но не проснулись. Из щели в потолке тонкой струйкой текла вода.

– Крыша худая, – вздохнула жена и побежала за ведром.

– Вот тебе и комфорт, – съязвил Егор Александрович.

– Ай, отстань! Вечно ты… Зато смотри как спят. А дома от малейшего звука просыпались. Чем отпускать саркастические реплики, лучше бы крышу починил.

– Прикажешь прямо сейчас?

– Ладно уж. До утра как-нибудь дотянем, а там и дождь кончится. Не стоит заводиться из-за пустяков.

Когда на следующее утро Егор Александрович проснулся, за окном сверкало солнце. От дождя на земле кое-где остались небольшие лужицы, да и они исчезали на глазах. Чувствовалось, день опять будет знойным, а к вечеру скорее всего вновь соберется гроза.

– Пойдешь с нами в лес? – после завтрака предложила жена Олегову.

– Папа, пошли! – наперебой закричали дети. – Еще что-нибудь нам расскажешь.

– Крышу нужно чинить, – стараясь сохранять серьезный вид, ответил Егор.

Жена с легким удивлением взглянула на него, видимо, она не знала, стоит ли всерьез воспринимать слова мужа, или он, как всегда, желает встать в позу.

Она неопределенно пожала плечами и, взяв за руки детей, отправилась на прогулку.

Егор в растерянности стоял посреди двора. Как говорится, взялся за гуж… Он взглянул на крышу. Первым делом нужно, конечно, осмотреть ее. Но как? Без лестницы это неосуществимо. Придется обратиться к хозяйке.

Олегов неохотно направился в сторону калитки, соединявшей два владения. Считая, что выглядит несколько странно в глазах местных жителей, он стеснялся общаться с ними, опасаясь показаться смешным. Тем не менее историк пересилил себя и вступил на хозяйскую половину. Хозяйку он нашел в огороде. В подоткнутой юбке она подвязывала помидоры. Олегов нерешительно кашлянул.

– Ой! – вскрикнула хозяйка и вскочила.

– Я… То есть… – он запнулся, не зная, с чего начать.

– Дачник, – узнала его хозяйка, – а я думала, кто чужой.

Приободрившись от сознания, что его считают за своего, Егор начал объяснять, зачем пришел.

– Понимаете, – нерешительно промямлил он, – крыша у нас течет… Вчера вот…

– Да знаю я! – в сердцах закричала хозяйка. – Сколько раз самому говорила: почини, перед людями неудобно. Когда дождик маленький, еще ничего. Так, чуть каплет, и незаметно даже. А вчерась дождина, конечно, не дал вам спать?

– Да уж, – более решительным тоном подтвердил Олегов, видя сочувственное отношение.

– Сегодня самому снова толковала про крышу, а он в ответ – некогда. Толкует, мол, у них мужик есть, вот пусть и заделает сам. – Она искоса глянула на Егора Александровича. – Конечно, неладно он говорит, но и его можно понять: сенокос на носу, сейчас самое время определиться, где косить. Запряг он бычка и с утра уехал. А вас как звать-величать?

– Егор Александрович, – напрягся Олегов, подозревая в заискивающем тоне хозяйки какой-то подвох.

– Егор, значит. Хорошее имя. Брат у меня был Егор, в войну погиб. – Хозяйка примолкла, пригорюнилась, потом вновь посмотрела на Олегова. – Вот что, Егор. Может, возьмешься сам? Дело нехитрое. Лестницу сейчас мы с тобой принесем. Молоток, гвозди, толь я тебе дам.

– Конечно-конечно, – зачастил Олегов, – я за этим и пришел. Как можно отвлекать колхозника от сельскохозяйственного труда?

– Да не колхозники мы, – с легкой досадой сообщила хозяйка, – мы путейские. А к колхозу отношения не имеем.

Историк понял, что сказал что-то обидное. Он снова смутился и даже слегка покраснел.

– Ладно, Егор, пойдем. Дам тебе лестницу и инструмент.

Вскоре Егор Александрович с помощью хозяйки приставил лестницу к стене дома и залез по ней наверх. Крыша была крыта толем, который выглядел относительно неплохо, но в двух местах растрескался и разошелся.

– Ну что там? – спросила снизу хозяйка.

– Есть несколько дыр, – сообщил Олегов.

– Бери молоток, гвоздочки… Наложи заплаты, а потом замажешь края варом. – И она удалилась.

Работа была нехитрая. Олегов выкроил две заплаты, попробовал прибить их к крыше гвоздями, но те провалились в пустоту. Нужно что-то подложить снизу, понял он. Например, деревяшку. Для этого придется залезть на чердак.

Он передвинул лестницу к маленькой дверце на верхней части фасада, отодвинул деревянную задвижку и проник внутрь.

Здесь оказалось почти темно, только сквозь дыры прорывались лучи солнечного света, в которых плавали многочисленные пылинки. Дыр при более тщательном рассмотрении оказа-

лось не две, а пять. Часа два Егор Александрович работал как заведенный. Наконец заплаты были наложены, оставалось засмолить края. Историк спустился передохнуть.

– Ну как дела? – поинтересовалась подошедшая хозяйка.

Олегов доложил ситуацию.

– Вот и молодец, – похвалила хозяйка. – А с виду вроде неумеха. Ничего, глаза страшат, а руки делают… Бери ведро с варом, квач, разводи костер и начинай смолить.

Олегов снова поднялся на чердак, чтобы еще раз проверить, все ли дыры он заделал. Возле самой дверцы присел на какой-то ящик и стал тщательно изучать крышу. Она больше не светилась. Он поднялся с чувством удовлетворения, и тут его взгляд привлек предмет, на котором он только что сидел. Это был старенький сундучок.

Он поднял крышку. Сундучок, насколько позволяло разобрать освещение, оказался наполнен какими-то бумагами. Без особого интереса Олегов достал ту, что лежала сверху. Она оказалась школьной тетрадкой, исписанной до конца. Егор Александрович приблизился к свету и всмотрелся в написанное. К некоторому его удивлению, тетрадка была заполнена записями на немецком языке. Мелкий, убористый почерк похож на россыпь бисера. Он попытался разобрать написанное. Речь, похоже, шла о какой-то поездке. Олегов закрыл тетрадку, положил ее на место и вновь принялся за работу.

Когда жена и дети вернулись из леса, удивлению их не было границ. Перепачканный и слегка закопченный папа заканчивал свое нелегкое дело. Стоя на лестнице, он повернулся к ним лицом, поднял вверх большой палец и торжественно заявил:

– Если теперь разверзнутся хляби небесные и наступит новый всемирный потоп, в нашем доме будет сухо.

Трудовой подвиг нашего героя не остался незамеченным. Примерно через час, когда возгласы восхищения несколько поутихли, а дети возились возле почти потухшего костерка под присмотром Олегова, он вдруг услышал, что его кто-то зовет. У калитки стояла хозяйка и таинственно манила его рукой. Подозревая, что вновь готовят какое-нибудь занятие, Егор Александрович неохотно поднялся со скамейки, пошел на зов.

– Идем-ка сюда, Егор, – зашептала хозяйка.

Недоумевая, Олегов последовал за ней. Хозяйка зашла в сарай, повозилась в углу, откуда послышалось характерное звяканье железа о стекло; наконец она приблизилась к историку и протянула ему полулитровую стеклянную банку с какой-то мутной жидкостью.

– На-ко, выпей с устатку, – торопливо проговорила хозяйка.

Олегов машинально взял банку и поднес ее к лицу. В нос ударил характерный кислый запах: пахло дрожжами и алкоголем.

– Что это? – недоуменно спросил историк.

– Не бойся, пей. – Она смущенно кашлянула. – Бражка это. Сам-то всегда после работы принимает. Хорошая бражка, на чистом сахаре.

– Не пью я, – начал отнекиваться Олегов.

– Что значит, не пью? – перешла в наступление Анисья Трофимовна. – Я тебя не спаиваю, а после работы надо принять! И вроде я тебе должна… Нашу работу исполнил, так что пей.

Боясь обидеть хорошего человека, мученик мужественно поднес банку ко рту и, чувствуя себя последним дураком, отхлебнул таинственной жидкости. Он отродясь не пробовал бражки. Против ожидания, на вкус жидкость оказалась не то чтобы приятной, но вполне терпимой. Она шибала в нос, но по телу сразу же разлилось тепло.

– Еще? – спросила хозяйка. Историк ожесточенно замотал головой, показывая, что достаточно. Но гостеприимная хозяйка снова отошла в угол и тут же вернулась со вновь наполненной банкой.

– Не в силах, – произнес Олегов.

– А не торопись… Посиди… Да и я, пожалуй, приму. – Она в один присест ополовинила банку.

Олегову стало хорошо, захотелось поговорить с хозяйкой, потолковать о жизни, о видах на урожай.

«С чего бы начать, – расслабленно думал он. – Ах, вот с чего!»

– Послушайте, Анисья Трофимовна, – начал он. – Когда работал на чердаке…

– Ну? – отозвалась хозяйка.

– Я там, на чердаке, нашел какой-то ящик… сундучок… С бумагами.

– А-а, – протянула Анисья Трофимовна.

– Вы уж извините, но я открыл этот сундучок и посмотрел на его содержимое. Конечно, нехорошо…

– Чего ж тут нехорошего, – равнодушно ответила хозяйка. – Этот мусор давно сжечь нужно было. Давай-ка глотни.

– А что это за бумаги? По-немецки… То есть на немецком, – похоже, язык у Олегова начал немного заплетаться.

– Постояльца одного бумаги, – пояснила хозяйка, как показалось Олегову, с некоторой неохотой. – Жил тут… Давно. Года три назад, а может, и больше.

– Он что же, немец был?

– Да кто ж его знает. Может, немец, может, жид, то есть еврей, – поправилась хозяйка, – а может, поляк или чех… Не знаю.

– И что же с ним стало?

– Умер, – последовал односложный ответ.

– Можно, я эти бумаги посмотрю? – совершенно неожиданно для себя попросил разрешения Олегов.

Почему Егор вдруг сделал этот опрометчивый, перевернувший всю его дальнейшую жизнь шаг, он и сам не мог объяснить. Судьба!

– А ты по-немецки понимаешь? – удивилась хозяйка.

– Немного, – сообщил Егор.

– Ученый человек, – уважительно протянула хозяйка. – Что ж, бери, читай… Коли делать нечего. – Она допила брагу, сплюнула на земляной пол сарая и направилась к выходу.

Воодушевленный парами алкоголя и идиотским зудом исследователя, Олегов при помощи недоумевающей жены приставил к лазу на чердак лестницу, извлек пыльный сундучок и спустил его на землю.

– Что это? – поинтересовалась жена.

– Секретные архивы РСХА, – довольно глупо сострил Олегов.

– Ты что же, выпил? – недоуменно спросила жена, зная, что Олегов употребляет алкоголь крайне редко и неохотно.

– С устатку, – повторил он понравившееся выражение хозяйки.

Жена засмеялась:

– Опрощаешься, братец. Так сказать, припадаешь к корням… А еще надо мной посмеивался. Так скоро ты наденешь толстовку и будешь босиком бродить по полям.

– А хотя бы! – заносчиво произнес ученый.

– Иди-ка лучше кушать, а потом разберешь этот хлам.

После плотного обеда, состоявшего из ядреной окрошечки, стакана невероятно густой деревенской сметаны и доброго ломтя вкуснейшего хлеба домашней выпечки, Олегов ощутил, как сон наваливается на него, словно огромная пуховая перина. Захотелось прилечь – хоть где, лишь бы поскорей.

Можно прямо на прохладном полу, покрытом пестрым домотканым половиком. Однако Олегов нашел в себе силы, добрался до кровати, рухнул на нее и тут же провалился в бездонный колодец сна.

Пробудился он совсем настоящим дачником. Трудно даже было понять, как до сих пор он обходился без прелестей деревенской жизни. Так и живет человек, не подозревая, что счастье – вот оно, совсем рядом, бродит вокруг да около, нужно только ухватить его за павлиний хвост.

Однако пора было приниматься за дело. Егор Александрович подкрепился стаканом холодной простокваши и вышел из душного дома на свежий воздух. Семьи не наблюдалось, по-видимому, они снова отправились в лес. Тем лучше. Никто не будет мешать.

Он поставил сундучок на врытый во дворе гладко оструганный стол и откинул ветхую крышку.

Сверху лежало несколько припорошенных пылью тетрадей. Олегов перелистал некоторые. Все они были исписаны тем же аккуратным мелким почерком по-немецки. Он отложил их в сторону и занялся остальными вещами. Кроме тетрадок в сундучке имелись три книги, также на немецком языке. В одной из них, хотя и не имевшей переплета и форзаца, историк признал сочинение Гете. Две другие были ему незнакомы. Он принялся за дальнейшие поиски. Еще в сундучке имелись облупленная эмалированная кружка, алюминиевая ложка, зеркальце, бритва с костяной ручкой, ржавая и зазубренная.

Очевидно, если здесь и было что-то ценное, его прибрали хозяева – неожиданно дошло до Олегова. Он немного смутился. А что, собственно, он надеялся найти в этом ящике? Мешок с дублонами и пиастрами? Карту острова сокровищ? Олегов засмеялся. Он не замечал, что неподалеку, по ту сторону изгороди, стоит Анисья Трофимовна и с умилением смотрит на его высокую нескладную фигуру, на лысину и очки с толстыми стеклами. «Ученый», – шепотом произнесла хозяйка, и в ее тоне отчетливо скользнуло невольное уважение к советской науке и лучшим ее представителям в лице малахольного дачника. Кроме всего прочего, у Анисьи Трофимовны имелась дочка, которая на будущий год заканчивала одиннадцатый класс и мечтала стать учительницей.

«Да я для него… – думала хозяйка, – все что угодно, не то что этот вонючий сундук. Эх, будь я помоложе, очкастенький…» И, вспоминая свою бурную молодость, расчувствовавшаяся хозяйка удалилась.

Разочарованный историк в растерянности стоял перед столом, на котором был разложен извлеченный из сундука хлам. И все же он не сдавался. Ведь почти каждый мечтает найти клад. Он снова взялся за тетрадки.

Сии школьные принадлежности были вовсе не похожи друг на друга. Три тетрадки оказались нашими родными, советскими, с таблицей умножения на обороте, а остальные имели явно заграничный вид. На обложке был изображен осанистый старик с пышными усами в военном мундире. Старик сурово смотрел из-под насупленных бровей, словно предостерегал школьников от плохой успеваемости и опрометчивых поступков.

Пилсудский, догадался Олегов, разглядывая полузнакомое лицо. Тетрадки явно были польскими. На других тетрадях имелся герб в виде стоящего на задних лапах льва. Чтобы не было никаких сомнений в принадлежности герба, здесь имелась надпись «ceskoslovensko». А эти, значит, чешские.

Олегов, нужно сказать, неплохо знал немецкий. Он раскрыл одну из тетрадей, присел возле стола и начал разбирать написанное. Сначала он почти ничего не понимал, но, прочитав несколько раз текст, уловил общий смысл. Человек, которому принадлежали эти тетради, рассказывал о бегстве из Польши, после того как в нее вступили немецкие войска. Записи носили весьма сумбурный характер. Так в них описывалась бомбардировка с воздуха, и на полуслове все обрывалось, уступив место малопонятному монологу, в котором пишущий раскаивается,

что ввязался в некое дело (непонятно, в какое), однако клялся самому себе довести это дело до неизбежной развязки.

Егор читал тетрадку примерно час, но так ничего толком и не понял. Ясно было только одно: перед ним лежал чей-то дневник, который велся с перерывами не один год. Олегов уже было хотел побросать тетрадки обратно в сундучок, но устыдился своего малодушия. И это ученый-историк! Неужели изменила привычная усидчивость? Неужели сладкая тина дачной жизни затянула, расслабила, лишила привычной воли и упорства… Э, нет! Советского историка не так просто сбить с панталыку всякими сомнительными мелкобуржуазными идиллиями, патриархальными, так сказать, нравами. Окрошка тут, видите ли, со сметанкой. Прочь мещанский уют! Нужно работать!

Поздно вечером, когда почти стемнело и уставшее за день семейство угомонилось и легло спать, Егор Александрович почти крадучись вышел из дома, прихватив с собой керосиновую лампу. Он уселся за тот же стол во дворе, затеплил лампу, разложил перед собой тетрадки словно карты в пасьянсе, размышляя, с какой же начать. Как ни странно, датировка в дневнике напрочь отсутствовала. Кроме того, дневник велся в каком-то скачущем стиле. Совершенно нельзя было восстановить последовательность событий. И все же попробуем логически рассуждать. В тетради, с которой начал он, повествуется о бегстве из Польши. Куда? Конечно же, не в Чехословакию, где уже были фашисты. Значит, в СССР. Следовательно, чешские тетрадки – начало дневника. Затем польские, а потом идут родные, с таблицей умножения. Чешских тетрадок всего две. Берем любую и начинаем читать. Он так и поступил.

Летний вечер незаметно перешел в ночь. Тьма сгустилась над деревушкой Забудкино, над дачей, в которой под обновленной крышей спали сладким сном заботливая жена и малолетние дети историка. Но гуще всего она, казалось, была над столом, за которым сидел Олегов. Возможно, это необъяснимое явление создавала именно старая трехлинейная керосиновая лампа, чей тускловатый, но столь уютный свет вырывал из мрака кусок стола с раскрытой на нем тетрадью, резко очерчивал профиль пытливого историка, его вздернутый нос, пухлые губы. Иногда Егор чуть поворачивал голову, и тогда отраженные в толстых линзах очков лучики света пронизывали тьму, словно маленькие прожекторы.

Вокруг лампы вилась мошкара, иногда влетая внутрь и с легким треском распадаясь в пыль. Но ученый не замечал происходящего вокруг. Не видел он и жену, которая в ночной рубашке выглянула из дверей дачи, сонно взглянула на мужа, хотела позвать его в дом, но, всмотревшись в отрешенное, сосредоточенное лицо, не решилась, покачала головой и вновь отправилась спать. Чтение грязноватых потрепанных тетрадок настолько увлекло его, что он забыл о сне, о времени, да и вообще о том, где он находится.

Очнулся он лишь тогда, когда ночь стала отступать, холодок заставил зябко поежиться, а тьма сменилась серым предрассветным сумраком.

Олегов зевнул и потянулся. Лампа коптила, он подкрутил фитиль и невидяще уставился на яркий огонек, пытаясь осознать прочитанное, соединить его в единую картину. Все было зыбко, туманно, отрывочно. Безусловно, автор записок писал их исключительно для себя, поэтому некоторые события были намечены лишь пунктиром, а иные отсутствовали вовсе, и пропадало связующее звено, которое приходилось домысливать. К тому же имелись куски, либо написанные на каком-то неведомом диалекте, либо зашифрованные. Некоторых терминов, встречающихся в тексте, он просто не понимал, о значении других смутно догадывался. И все же прикосновение к чужой жизни, к событиям, которые ни при каких обстоятельствах не могли случиться с ним самим, настолько взволновали Олегова, что он почти силой заставил себя оторваться от чтения, подняться со скамьи и пойти в дом.

Скрипнула дверь.

– Это ты? – сонно спросила жена. – Уже утро? Что ты там так долго делал?

– Читал, – односложно ответил Олегов, взбираясь на печку. Он растянулся на лежанке и только теперь почувствовал, как устал. Занемевшее тело понемногу расслаблялось, но сон не шел. Он вновь попытался собрать воедино только что прочитанное. Перед глазами возникла картинка. И хотя Олегов никогда не был в Праге, он тут же представил небольшой старинный домик, стоящий под высоченными липами.

«Некогда в Праге, на одной из древних улочек Градчан стоял дом…»

«В этом доме собирались…»

Кто же собирался? Неизвестный автор называет их братьями Креста и Розы. Впрочем, вернемся к началу. Чешские тетрадки начинались с описания неожиданного и поспешного бегства.

Из записок, найденных на чердаке

«…Сегодня принято окончательное решение уехать из Праги, да и вообще из страны. Куда? Лучше всего в Польшу, к тамошним братьям. А здесь становится все опасней. Прошло почти полгода, как немцы оккупировали страну. Разве еще год-полтора назад в это мог кто-нибудь поверить? И вот нас предали. Те, кто все время твердил о поддержке, о согласованных действиях, отдали Чехословакию на поругание германцам.

Конечно, можно переждать события и здесь, но кто знает, что может случиться с детьми. В последнее время вокруг них, как мне кажется, сгущаются тучи. Видимо, кто-то прознал о том, что они собой представляют. Да что там прознал! Не стоит кривить душой. Германцы определенно знают о Плане. Пару раз ко мне заходил этот холеный офицерчик. Ничего конкретно не говорил, интересовался орденом, рассказывал, что увлекается историей тайных союзов, собирает информацию… Безусловно собирает! Только вот о чем?! Однако какое мое дело. Слежки за нами, похоже, нет. Так что бежать никто не мешает. Завтра соберем чемоданы – и в путь.

Поезда переполнены. Все как будто стронулись с насиженных мест. Устроились, хвала Творцу, с относительным комфортом. Несколько раз проверяли документы, сначала в Пардубице, потом на самой границе, в Моравской Остраве. Нескольких человек при мне арестовали и куда-то увели. Среди них были не только евреи, но, похоже, переодетые офицеры. Нас, однако, сия чаша миновала. Граница с Польшей перекрыта, однако мне удалось договориться с местным жителем. За некоторую мзду он переправит нас в Польшу…»

Олегов задумался. К сожалению, его немецкий, которым он так гордился, оказывается, хромает. Во всяком случае, знаний явно недостаточно, чтобы досконально разобраться в тексте дневника. Простые описания он понимает, а остальное… неизвестный автор дневника с детьми, похоже, детей было несколько, бежит из оккупированной Чехословакии в Польшу, почему-то во Львов. Там тоже обитают братья таинственного ордена, они предоставляют беглецам временное убежище. Но вскоре война приходит и туда. Немцы и русские одновременно вступают в Польшу, одни с запада, другие с востока. Вынужденное путешествие продолжается.

Теперь они движутся в глубь России и наконец в октябре тридцать девятого прибывают в Тихореченск. Это, так сказать, общая канва. Детей, как пишет автор дневника, удалось пристроить. Куда? К кому? Об этом ни слова. Сам же он, согласно полученным инструкциям, должен только наблюдать и оказывать помощь в случае чрезвычайном.

Из текста казалось не совсем ясным: попали ли они в Тихореченск случайно или так было предусмотрено заранее. Скорее всего данный пункт назначения являлся одним из запасных вариантов. Похоже, некие люди в городе знали об их приезде и оказали необходимую помощь.

Но кто все-таки были эти дети и автор дневника? Может быть, шпионы? Олегов усмехнулся про себя. Советскому человеку везде мерещатся шпионы. Вряд ли подобный способ засылки мог иметь место. Скорее всего речь идет об обычных беженцах. Но что это тогда за братья Креста и Розы? Какая-то тайная секта? Крест и Роза, несомненно, знакомые ему сим-

волы. Крест по-немецки «крейц», роза так и будет – «роза». Крайцрозе… Розекрайц… Розенкрейцеры?! Вовсе элементарно. Скорее всего речь идет действительно о розенкрейцерах. Но что это дает? Олегов попытался вспомнить, кто же такие эти самые розенкрейцеры? Какой-то мистический орден вроде масонского. Но и только. Зачем, скажите на милость, неизвестному господину тащиться через охваченную войной Европу, через бескрайнюю Россию, да еще с малолетними детьми? Значит?.. Значит, пытался их увести от какой-то опасности. Он хмыкнул. Это как раз наиболее очевидно. Ясно, что подобный вояж совершался не в познавательных целях. Но что это за опасность? Почему автор не остался с детьми, а, как он пишет, «пристроил их»? Куда пристроил? Что с ними было дальше? Целые куски дневника оставались непрочитанными. Олегов мог понять в них лишь отдельные слова. Шифр? Возможно. Или эти мистические пассажи. Тут текст был более-менее ясен, то есть ясен был перевод слов, но вот связать его в единое целое никак не удавалось. Набор слов, и только. Ладно, давай-ка спать, сказал он самому себе. Завтра попытаюсь разобраться на свежую голову.

Когда он проснулся, в комнате было пусто. Мерно тикали ходики. Он взглянул на них. Ого! Почти полдень… Ничего себе продрых. На столе стояла большая чашка с молоком, прикрытая громадным ломтем хлеба, намазанным медом. Рядом лежала записка: «Мы ушли в лес».

Егор умылся из рукомойника, чертыхаясь с непривычки: примитивный агрегат никак не хотел выдавать воду нормальными порциями. Потом он вернулся в дом, смахнул с хлеба увязшую в меде осу, начал завтракать. Идиллия! Внезапно вспомнил о дневнике. Тьфу ты! Ведь не даст, проклятый, отдыхать в свое удовольствие. Накрепко засел в голову. Взяться за него, что ли, снова? А может, попробовать расспросить хозяйку.

Анисья Трофимовна, как и вчера, копалась в огороде.

– А, товарищ ученый… – она разогнулась и посмотрела на Олегова. – Долго спите, а ваши-то в лес пошли.

– Я вот что хотел спросить, – поздоровавшись, неуверенно сказал Егор, – вчера всю ночь читал дневник, оставшийся после вашего прежнего постояльца…

– Тетрадки? – равнодушно спросила хозяйка. – Так они вроде не по-нашему написаны.

– По-немецки. Я немного понимаю.

– И как, интересные? А я, знаете, хотела сжечь. И сундучок тоже. Все!

– И хорошо, что не сожгли! – горячо воскликнул Олегов.

– А чего он там пишет?

– Так, разное… – замялся Егор. – Как он ехал сюда из самой Чехословакии. Ну и всякое еще… А что он был за человек?

– Непонятный! – резко сказала хозяйка. – Совсем мне непонятный. Вот ты ученый, образованный – не то что я – да и другие, что вокруг живут, а мне понятен. Потому как наш – русский. А этот вовсе непонятен. Появился он тут не то в сорок шестом, не то в сорок седьмом. Словом, сразу после войны. Оборванный, неприкаянный… Тогда все были одеты бог весть во что, ну а этот уж совсем оборванец. Жил поначалу не здесь. Возле станции халупа была – барак, он потом сгорел. Так он в том бараке и обитал. Там еще несколько человек жили. Эвакуированные вроде или бродяги. Не поймешь. Одна большая комнатища. Буржуйка стояла… Вот от этой буржуйки потом барак и занялся… А в вашей хате в те поры я сама обитала, пока со своим не сошлась, – она кивнула на дом. – Ну а как сошлась, хата пустовать стала. Тогда дачников еще не было… Как барак спалили, пустила его. Из жалости… Ну и для присмотру. Дом без присмотру, понимаешь ты, ветшает. Думала, ну какой из него, из старика то есть, прок. Однако он принес деньги… Я даже удивилась: откуда у него деньги. Но платил за постой исправно. Хоть и немного, но в срок. И все равно он был странный. Чем жил, непонятно. Иногда на станции пропадал, подрабатывал там вроде. Пути, может, ремонтировал… Нет, – вспомнила она, –

обходчиком был. Знаешь, ходят по путям с молотком, по рельсам колотят. Вот-вот. Иногда он уезжал куда-то. Бывало, что и надолго. Летом работал мало. Все больше по лесу шатался. Уж зачем – не знаю. Раз, помню, за ягодами пошла… У меня тут свое место есть. Далеко. Верст пять идти нужно. Глухомань там. Никого, считай, не бывает. Почти пришла, и вдруг, гляжу, человек. У меня аж сердце упало. Не люблю, когда по лесу незнакомые шастают. Присмотрелась. Так это же Иван Иванович. Мы его Иваном Ивановичем звали… Какую-то травку перед носом вертит. И так занят, что вокруг ничего не видит. Я с ним даже окликаться не стала. Зачем? Вижу, занят человек. И то… ты знаешь, у нас тут некоторые его колдуном считали… Побаивались. Правда, ни в чем плохом не был замечен. Даже лечил кое-кого. Меня, например. Раз сильно простудилась. В жару была… Пришел… Принес какие-то травы. Самому сказал, как заваривать. И знаешь, попила три дня, и полегчало.

– А как его звали? – поинтересовался Олегов.

– Я же сказала, Иван Иванович.

– Это вы его так называли, а настоящее имя?

Хозяйка задумчиво уставилась в небо, потом растерянно посмотрела на Егора:

– Имя какое-то уж вовсе мудреное. Не упомню. Называл он. А мы все больше: Иван Иванович да Иван Иванович…

– А фамилия? – не отставал Олегов.

– Ведь помнила. Участковый еще приходил интересоваться. Такая смешная фамилия… Птичья. Птица есть такая. Рыбой питается.

– Журавль?

– Да нет!

– Цапля?

– Постой, не мешай. Ага-ага. Еще у птицы этой мешок под клювом висит.

– Пеликан?

– Точно! Пеликан! Все-то вы, ученые, знаете. Пеликаном его звали.

– Неужели так один и жил? – не отставал Олегов. – И никто к нему не приезжал?

– Не знаю. Может, кто и бывал. Я сама не видела. – Она несколько замялась, потом демонстративно оглядела огород: – Работать надо… Солнышко-то вон как высоко.

Олегов понял: разговаривать дальше с ним не желают. И все же он не сдавался.

– Ну а умер он когда? И как?

– Вот прицепился! – недовольно произнесла хозяйка. Потом, видимо, вспомнив о своих планах насчет дочери, смягчилась.

– Поездом его зарезало… Кто говорил, что сам бросился… Не знаю… Не видела. Помню, в пятьдесят шестом это случилось, в том годе Сталина обосрали. В мае или в июне тогда к нему женщина приехала. Вернее, девка. Молодая и красивая. И одета хорошо. Такое меня любопытство разобрало. Может, думаю, дочь? Просидели они в избе довольно долго, часа четыре или больше. А я все в окошко глядела, хотела рассмотреть ее получше. Под вечер она выходит. Одна. Он даже не проводил. Сразу на станцию пошла, а старик так и остался в доме. А на другой день он – тово… Ну и все. Схоронили его за линией. Там у нас кладбище. Больше я ничего не знаю. А может, ты чего вычитал в его тетрадках, так расскажи?

– В том-то и дело, что ничего из них не понятно, – удрученно сказал Егор.

– А непонятно, так и пускай себе. А ты их лучше сожги.

На этом разговор был окончен, и хозяйка снова предалась огородному труду.

Егор Александрович отправился на свою половину и некоторое время бессмысленно слонялся по двору. Семейство его не вернулось с прогулки, и делать было совершенно нечего. Он вошел в дом, снова достал тетрадки, вернулся во двор. Сел за стол и начал листать их. Однако вчерашнего интереса уже не было. Присутствовало скорее безразличие, даже некое отвращение. Чужая, неведомая ему жизнь заключалась под этими истрепанными корками. Было совер-

шенно непонятно, почему человек, несомненно, образованный, к тому же иностранный подданный, застрял в глуши, прозябал, бедствовал, а потом лишил себя жизни. Какая причина, какая цель вела его к этому заброшенному полустанку в глубине России? Ответа на этот вопрос он, Олегов, видимо, никогда уже не получит. Конечно, можно взяться за эти тетради основательно. Обложиться словарями, перевести, расшифровать. Но зачем? Может быть, последовать совету хозяйки, сжечь тетради и не забивать себе голову? Он вспомнил, что в сундучке имелось несколько книг, принес и их.

Какой-то немецкий роман без начала. Верхняя крышка переплета и первые тридцать страниц отсутствуют. Готический шрифт почти невозможно читать. Еще один том, те же готические литеры… На обложке название труда: «Химическое бракосочетание Христиана Розенкрейца», автор – Иоганн Валентин Андреаэ. Олегов пожал плечами. Ерунда, бред… При чем тут свадьба и химия? Или это аллегория? Даже странно, он историк, и ничего не знает о розенкрейцерах. Был бы в городе, отправился бы в институтскую библиотеку или, на худой конец, в публичку. Третья книга – Гете. Здоровенный том. И как этот самый Пеликан пронес его сквозь все свои странствия? Олегов взял том двумя руками и прикинул его вес. Килограмма три, не меньше.

Неожиданно из книги вывалился какой-то желтый листочек. Егор поднял бумажку, близоруко всмотрелся. Это был корешок почтового перевода. Адрес получателя: Тихореченск, улица Щорса, 12–28. Десантовой Аглае Осиповне. Егор потряс том. Из него выпало еще несколько листочков. Тоже корешки переводов. Адрес на всех один и тот же. Олегов тщательно перелистал книгу. В ней нашлось еще несколько листочков. Он пересчитал их, потом сходил в дом за очками и попытался разобрать даты переводов. Самый ранний отправлен в июне 1948 года, последний – в декабре 1954-го. А умер он, если верить хозяйке, в начале лета 1956-го. Значит, полтора года переводы не посылал? Почему? Может, денег не было?

Суммы переводов не особенно большие, но и не маленькие: 500, 700 рублей, даже тысяча. Студенческая стипендия – 230 рублей, а сколько, интересно, получает путевой обходчик? Вот и адресок появился. Не та ли это Аглая Осиповна, что приезжала к старику? Хотя вряд ли. Переводы посылались на протяжении семи лет. Редкая фамилия – Десантова. Запоминающаяся. В случае чего легко найти через паспортный стол, если, скажем, адрес сменился. Найти? – тут же одернул он самого себя. Для чего? Но ведь интересно. А хорошо ли это – лезть в чужую жизнь? Но он пока никуда не лезет. А если и попробует, то кто ему может запретить? Он историк. Интересуется Средними веками, а розенкрейцеры – это будто как раз Средние века. Да и просто интересно. Уж очень необычная история, даже загадочная. Впрочем, это только размышлизмы. Никуда он, конечно, не отправится, никого не будет искать. Приехал отдыхать, так отдыхай.

Олегов начал собирать в аккуратную стопку книги и тетради и в этот миг услышал веселые голоса детей, возвращающихся с прогулки.

ГЛАВА 2

А двумя неделями раньше молодой человек по имени Валентин Десантов, известный в определенных кругах как Валек, приблизился к некоему дому.

Дом был очень стар. Казалось, подуй ветер покрепче – и он развалится, словно карточный. Некогда он, видимо, принадлежал какому-нибудь купчишке, а то и человеку благородного звания и представлял собой единое целое. Теперь же его два этажа были поделены на клетушки, в которых проживало неведомое число жителей. Хотя вряд ли так уж много: в доме имелось всего два подъезда.

Валек вошел в первый и принюхался. Из подъезда явственно тянуло кошачьим духом. Валек не переносил кошек. Мало того, от их присутствия у него начинался насморк и слезились глаза. Вот и сейчас он непроизвольно шмыгнул носом. Но делать было нечего, оставалось шагнуть в кошачье логово.

Поднявшись по рассохшейся скрипучей деревянной лестнице, он остановился перед дверью, украшенной витиеватой медной цифрой «5». Дверь была обита растрескавшимся дерматином, кое-где прорванным. Из дыр вылезли грязные куски ваты. В самом центре двери торчал большой винт, изготовленный из того же металла, что и «пятерка».

«Механический звонок», – понял Валек и крутанул винт.

За дверью раздалось звяканье. Он прислушался, потом снова повернул допотопный механизм.

– Кого надо? – послышался старушечий голос.

– Вас, – осторожно сказал Валек.

– Кого это – вас?

– Екатерина Павловна здесь живет?

– Ну здесь. А кто спрашивает?

Валек назвался.

За дверью помолчали, потом щелкнул замок, и в щель выглянуло остренькое крысиное личико.

– Так чего тебе, парень?

– Понимаете, – горячо заговорил Валек, – мне нужно с вами поговорить… – Он вновь повторил фамилию. – Жили мы вместе, на Щорса. Сразу после войны… Дом двенадцать… Я тогда совсем маленький был… Неужели не помните? Про своих родителей узнать хочу. Узнать некоторые подробности.

Он сбился и замолчал.

Старуха тоже молчала, цепко вглядываясь в лицо молодого человека… Валек попытался нажать на дверь носком башмака, но цепочка не пускала.

– Никого я не знаю, – неожиданно заявила бабка. – На Щорса жила, точно… Но такой фамилии не слыхала. – С этими словами она захлопнула дверь.

– Постой! – крикнул Валек, но было поздно. Он несколько раз повернул винт замка, но реакции не последовало. Старуха, видно, притаилась за дверью и выжидала.

Он сплюнул, спустился, вышел на пустынный двор и огляделся. Естественно, его турнули. Этого и следовало ожидать. И все же ему необходимо поговорить со старухой. Переждать немного, а потом снова постучаться? Может, подумав, она окажется сговорчивей?

Валек огляделся. На глаза попалась скамейка, стоявшая среди чахлых кустов сирени, Валек направился к ней. Видимо, по вечерам это место служило пристанищем местной шпане, потому что возле скамейки валялось на земле множество окурков и бутылочных пробок. Валек извлек из кармана пиджака пачку «Памира» и тоже закурил. Крепкая сигарета притупила чувство голода. И все же не мешало бы подкрепиться.

Но в этот момент появилась старуха. Она вышла из подъезда, держа в руках хозяйственную сумку.

«В магазин двинула, – понял Валек. – А что, если?..»

Он докурил сигарету и щелчком отбросил окурок в сторону. Что, если, пока бабки нет, проникнуть в квартиру и дождаться ее прихода там? Явится из магазина, а он перед ней. Уж тогда не отвертится от разговора. Если что, он и припугнуть может – Валек нащупал в кармане рукоятку выкидного ножа. Замок в двери простой, открыть его – раз плюнуть. Мысль была интересной, но могла привести к непредвиденным последствиям. Вдруг в квартире есть кто-то еще? Так недолго проверить. Он рывком поднялся и почти бегом двинулся к подъезду.

Минуты две Валек методично вращал винт звонка, отчего тот даже нагрелся. Потом, уяснив, что в квартире пусто, достал отмычку, почти мгновенно открыл замок и вошел внутрь.

В полутемном коридоре он тотчас же наступил на что-то мягкое и чуть не вскрикнул от испуга.

Кошка истошно мяукнула и бросилась прочь.

– Сволочь, – выругался Валек и вошел в комнату.

Здесь было светло, и Валек огляделся.

Неизменный комод являлся отправной точкой, на которой строился весь интерьер жилища. Комод триумфально венчали кружевные салфетки, на которых высились две длинные узкогорлые вазы синего стекла в стиле модерн. Тут же стояли многочисленные собачки и кошечки, исполненные из фарфора, фаянса и обыкновенного гипса. На стене висел гобеленчик со сценой охоты индийского раджи на тигров; кроватка напоминала усыпальницу фараона – пирамида подушек наверняка скрывала в своих глубинах нетленную мумию.

– Ку-ку, – сказал Валек и неожиданно чихнул. – Вот твари! – В квартире стоял настолько сильный кошачий дух, что приступ удушья наступил скорее обычного. Заслезились глаза, оставаться здесь было нельзя. И все же Валек хотел довести дело до конца. Ладно. Старуху дождаться здесь нет никакой возможности, но, возможно, найдется чем поживиться.

Он рывком выдвинул верхний ящик комода. Нитки, подушечки с иголками, наперсток, несколько пар очков, сломанный гребень, брошка со стекляшками, еще одна, похоже, серебряная, но явно грошовая. Красная коробочка. Раскрыл. Пара медалей. Дребедень! Кошелек, расшитый бисером. Пустой? Нет, подожди. Внутри что-то твердое. Желтенькая монетка с орлом. Может, золотая? А это? Бритва опасная. Откинул лезвие, осторожно провел по нему кончиком пальца. Туповата бритва. На что она старухе? А бритва хорошая, немецкая, и ручка выложена перламутром. Забрать, что ли? Он повертел бритву в руках, передумал и положил назад.

Дышать становилось все тяжелее. Он плюнул в сторону кошек и покинул квартиру.

Что же делать? Ждать старуху на улице? Но когда она придет? Очевидно, скоро. Такие обычно долго не гуляют. Сходит в магазин, подышит воздухом и снова забьется в свою щелку. И ничего из нее не вытянешь. Однако Валек Десантов уж такой человек: что решил – непременно доведет до конца. Хотя бы и клещами, но вытянет правду.

Валек некоторое время послонялся по пустому двору, потом, рассудив, что наверняка привлечет чье-то внимание, вышел на улицу и закурил.

Черт ее знает, сколько будет ходить проклятая старуха. Может, час, может, полдня…

Он стоял возле подворотни, лениво затягивался и то и дело сплевывал на пыльный тротуар под ноги прохожим. Некоторые косились на него, но тут же отводили взгляд. Высокий, худощавый, смуглый парень со спадающей на поблескивающие, как у наркомана, глаза челкой нагло смотрел на идущих мимо, и у тех не оставалось сомнения, кто перед ними.

– Бандюга, – прошипела под нос разодетая дама.

Она была недалека от истины.

Впрочем, Валька не особенно интересовало, как на него смотрит какая-то лярва. Клал он на нее. Он опасался просмотреть бабку. Может, она вернется домой другой дорогой.

Старуха появилась совсем неожиданно. Она словно из-под земли выросла, и Валек даже слегка отпрянул, до того удивился: вот ведь, проглядел все зенки, а карга тут как тут!

Но бабка даже не смотрела в его сторону. Она казалась чрезвычайно встревоженной, губы ее беззвучно шевелились, лицо было бледно нездоровой мертвенной бледностью.

Валек отвернулся, дождался, пока она пройдет мимо. Потом медленно побрел следом. Старуха быстро пересекла словно вымерший двор и скрылась в подъезде.

«Подожду, – решил Валек, – пускай очухается, придет в себя, а тут и я нагряну… Небось еще сильней с лица сбледнет».

Он присел на скамейку и снова закурил.

– Дядя, не скажете, сколько времени? – услышал он позади себя голос и обернулся. Перед ним стоял мальчишка лет двенадцати.

– Без четверти полночь на моих золотых, – процедил Валек.

– Я серьезно спрашиваю! – мальчишка говорил требовательно, даже строго.

– Не обзавелся я котлами, – фыркнул Валек и поднял левую руку, обнажив запястье. – Видишь, пусто. Кандехай отсюда, пацан.

Паренек странно посмотрел на него, усмехнулся и словно растворился в густом летнем воздухе.

Валек недоуменно покрутил головой, но не особенно удивился. Непонятное оцепенение навалилось на него. Голова внезапно закружилась, но мгновенно стала ясной и вроде бы наполнилась веселым газом. Он несколько раз ни с того ни с сего хихикнул и поймал себя на мысли, что состояние напоминает ощущения после выкуренного косяка анаши. Глубоко втянул воздух и попытался подняться. Однако почему-то не удалось. Он остался оцепенело сидеть на скамейке. Сколько так продолжалось: минуту, полчаса, час?.. И вдруг некий внутренний толчок точно подбросил его со скамьи – что-то засиделся, пора двигать к бабке.

В подъезде все так же нестерпимо воняло кошками. Валек крутанул винт звонка, но слабое дребезжание за дверью не вызвало в ответ никакой реакции. Он вновь и вновь крутил допотопный агрегат. Дверь не открывали.

– Заснула, что ли, старая коза? – раздраженно пробурчал Валек. Может, это и к лучшему? Сейчас он нагрянет как снег на голову. Дверь даже не скрипнула. Он осторожно притворил ее и на цыпочках шагнул в комнату.

Старуха лежала на кровати, сложив руки на груди. Так и есть! Дрыхнет, падла! Ну сейчас я тебя разбужу!

– Эй, бабка?! – крикнул он.

Старуха не откликалась.

– Вставай, старая, мент пришел, допрос снимать будет! – заорал Валек и приблизился к кровати, но тут же отшатнулся. Горло у старухи было перерезано, что называется, от уха до уха. Знакомая бритва с перламутровой ручкой валялась рядом на подушке.

– Ох! – всхлипнул Валек и отшатнулся. – Как же это? Замочили… Но кто?

Он вновь приблизился к кровати и посмотрел мертвой в лицо. Глаза старухи были широко раскрыты, на лице застыла гримаса тупого удивления. Кровь уже перестала вытекать и покрыла грудь и часть кровати темно-красным слоем, словно накинутый поверх тела платок.

Позади послышался шорох. Валек вздрогнул, резко обернулся, рука непроизвольно метнулась в карман за ножом. Но это была всего лишь кошка. Не обращая внимания на Валька, она подошла к кровати, на которой лежала старуха, и стала принюхиваться.

– Ах ты, тварь! – Валек из всей силы пнул кошку. Животное взлетело, словно футбольный мяч, шмякнулось о стену и с истошным мявом выскочило из комнаты. Тотчас квартира наполнилась истеричным мяуканьем, и Валек почувствовал навалившийся приступ удушья. Нужно было уходить. И не только из-за кошек. Вдруг кто-нибудь нагрянет. Хотя кто? Старуха жила одна как перст. Но мало ли… Так… постой-постой. Похоже, он наследил. Рылся в комоде,

брал в руки разные цацки. Оставил следы на ручке входной двери. А ведь его пальчики есть в угро. Не хватало, чтобы пришили мокруху.

Валек схватил с комода какую-то салфетку и стал лихорадочно протирать все вещи, до которых, как ему помнилось, он дотрагивался. Наконец работа была закончена. Парень сунул салфетку в карман, еще раз глянул на старуху и покинул квартиру. Он крадучись спустился по лестнице, задержался в подъезде, украдкой выглядывая на двор. Похоже, там все так же пусто. Вперед!

Он быстрым шагом вышел из подъезда и не оглядываясь рванул прочь. Вроде его никто не видел. Но кто же пришил старуху и зачем? В этом стоило разобраться. Может, она сама того… Испугалась его прихода, ну, конечно, нервишки слабенькие; достала из комода бритву – чик по горлу… А после ручки аккуратненько сложила и померла. Он хмыкнул. Глупость! Не складывают после ручки, уж он-то знает. Да и бритва как орудие самоубийства довольно сомнительно. Уж больно страшно. Его передернуло, ледяной озноб прошел по коже. Явное убийство. Но кто? И почему?

Скажем, она кому-то рассказала о его приходе. Ведь бегала же куда-то. А возвращалась, на ней лица не было. Ну и замочили. Но ведь он не видел, чтобы кто-то входил в подъезд. Ох, темное дело! И дернул же его черт припереться сюда. Стоп! Он остановился, внезапно похолодев. А бритва? Ведь он брал ее в руки, когда рылся в комоде. И пальчики наверняка оставил. Конечно, возможно, убийца смазал предыдущие отпечатки. А если нет? Если работал в перчатках, и теперь мусора вычислят его, Валька, в пять минут. Что же делать? Вернуться? А если там уже кто-то есть? Но не вернуться еще хуже. Это почти наверняка труба. Как же он забыл протереть бритву? Как последний лох! Эх!.. И Валек повернул назад.

Он стоял перед знакомой дверью, не решаясь на дальнейшие действия. Не вид мертвого тела пугал его, Валек опасался, что в квартире уже кто-то находится. Он прислушался. Точно! Там уже люди.

Ну и что? Скажу, мол, пришел в гости, ничего не знаю… Если там, скажем, мусора – какая-никакая, а отмазка, а если просто граждане, возможно, ему удастся затырить бритву.

Он позвонил, потом еще. Потоптался, проник внутрь тем же способом, как и в прошлые разы.

Из комнаты раздавалось мяуканье. Валек заглянул.

Несколько кошек сидели возле кровати и издавали жалобные звуки.

Он кинулся к кровати. Старуха все так же лежала на спине, широко раскрыв глаза и уставившись неподвижным взглядом в потолок. Черт с ней! Где же бритва? Бритвы не было.

Валек судорожно вздохнул и наклонился над трупом. Бритва, помнится, лежала на подушке. Пусто! Может, завалилась куда?! Он, превозмогая отвращение, стал шарить между телом и постелью. Тщетно. Только руки кровью вымазал. Этого еще не хватало. Значит, бритву кто-то взял? Скорее всего – убийца. Так же, как и он, спохватился и вернулся. И как они не столкнулись… Нужно быстрей смываться отсюда. Валек еще раз осмотрел кровать, скорее для подстраховки, чем в надежде найти бритву. Пусто. Взглянул на руки. Плюнул на осторожность, пошел на кухню и вымыл их, потом, чувствуя себя последним фраером, в третий раз покинул квартиру.

Да кто он вообще такой, этот самый Валек? Зачем поперся в квартиру несчастной бабки, зарезанной неизвестно кем?

Году эдак в пятьдесят первом в Тихореченске арестовали группу подростков, обчистивших продуктовую палатку, а среди них и Валентина Десантова, уже тогда известного как Валек. Пятнадцатилетний мальчишка не был в числе лидеров, заправляли кодлой ребята постарше, но и в шестерках не числился. Палатка стала просто предлогом, чтобы избавиться от надоевшей всему городу шайки уличной шпаны. Схватить их за руку долго не удавалось, работали

ребятишки, несмотря на молодость, чисто, но потом в шайку внедрили стукача, паренька, мечтавшего стать чекистом-разведчиком. Первым заданием юному дзержинцу и стало содействие в ликвидации уличных хулиганов.

Стукач навел шайку на палатку, создав впечатление, что дело выеденного яйца не стоит. Однако тут их и повязали. Валек держался молодцом, друзей не предавал, вину благородно брал на себя. Пока шло следствие, ему стукнуло шестнадцать. Дали голубю трешку, и вот он уже мчит в «столыпине» в места не столь отдаленные.

«Сгубили мальчика за дядю-фраера» – в данном случае за несколько банок тушенки, кульки с чаем и сахаром…

Что поделаешь, закон нарушать не полагается.

В защиту молодого человека стоит добавить, что будь у него папа с мамой, может, ни в какую кодлу он бы и не попал. Однако папа с мамой отправились в далекое путешествие в том же «столыпине» на несколько лет раньше, чем их сынок. И не за уголовные преступления, а за политику.

Валек вместе с сестрой-близняшкой остался на попечении престарелой тетки Аглаи. После более-менее безбедного существования в дом вместе с бедой пришла и нищета. Очень часто детям просто нечего было есть. Да и в школе постоянно тыкали родителями – врагами народа, безродными космополитами. Как бы то ни было, покатился паренек по наклонной и докатился до лагеря. А тут друзей-учителей нашлось побольше, чем в школе… Лафа!

Прибился Валек к стае блатных, на мужичье работящее посматривал снисходительно, на политических с презрением, хотя в душе больше всего мечтал встретить отца.

Довольно скоро Валек попал под покровительство старого вора Михалыча по кличке Ушастый. Несмотря на уничижительное прозвище, подчеркивающее физический недостаток – перпендикулярно приставленные к голове уши, Михалыч ходил в авторитетных. Он тоже был родом из Тихореченска и имел устойчивую репутацию удачливого домушника, а домушник в воровской табели о рангах – человек не последний.

«Держись за меня, корефан, – толковал Ушастый, – откинемся, вместе дело вертеть будем». Валек и держался. Лагерь, где отбывал свой срок Валек, считался тихим. Особых происшествий здесь не случалось, о грандиозной войне между ворами и «суками» знали лишь понаслышке. Да и находился лагерь не на Колыме, а в Пермской (тогда Молотовской) области, не так уж и далеко от Тихореченска. Валек не досидел и половины срока, когда «крякнул Усатый Пахан», как выразился Ушастый. Заговорили об амнистии. Она не заставила себя ждать, и летом пятьдесят третьего года Валек снова был дома. А здесь продолжали бедовать тетка и сестра. Про отца и мать не было ни слуху ни духу. Нельзя сказать, что Валек вновь хотел в тюрьму, но уж так получилось, не от кого помощи ждать, кроме как от братвы. После амнистии город был наводнен такими, как он. Ни специальности, ни чистых документов у него не имелось, и появившийся невесть откуда Ушастый (он освободился позже Валька) без труда нашел себе подручного.

В банде было пять человек: сам Ушастый, Валек, маруха Ушастого Дуська, занимавшаяся сбытом краденого, и двое малолеток – тщедушный Валет, способный пролезть в любую щель, и Гоша, обычно наводивший на хаты и стоявший на стреме.

Схема действий оказалась достаточно простой. Валет влезал в форточку квартиры, хозяев которой не было дома, открывал дверь, впускал Ушастого и Валька. Квартиру очищали в считаные минуты. Иногда открывали двери с помощью отмычки, но всегда работали очень аккуратно и никогда не применяли физического насилия.

– Хуже нет мокрухи, – учил молодежь Ушастый. – И сам грех на душу берешь, и мусоров из себя выводишь.

Раз залезли в хату, хозяин которой спал после ночной смены. От шума он проснулся и вскочил с кровати. Валек достал финку и молча повертел ею перед носом побледневшего

мужика. Покинули квартиру, не взяв ничего, а Валет был жестоко избит, поскольку не заметил, что в квартире кто-то есть.

Их долго не могли поймать, хотя милиция знала наверняка, чья это работа. На этот раз Валек получил пять лет. «Парились» они с Ушастым в разных лагерях. Но братва без справок и аттестатов хорошо знает «кто есть кто». Валек привычно примкнул к уголовникам и не бедовал. Весной пятьдесят девятого он во второй раз освободился и вернулся в Тихореченск. К тому времени тетка померла, сестра вышла замуж, и прибиться Вальку было просто некуда. Однако снова в лагерь он не желал попадать ни за какие деньги. В двадцать три года у Валька отсутствовала треть зубов, не хватало двух пальцев на левой руке, отмороженных и наскоро ампутированных лагерным лепилой. К тому же он постоянно задыхался и кашлял.

Когда Валек явился к сестре, та не выразила особой радости, но и не прогнала. Из старой коммуналки, где они жили все вместе, она съехала, как только вышла замуж, и теперь жила в отдельной двухкомнатной квартире вместе с мужем и маленьким сынишкой.

Сестру звали Катей.

– Ну, здравствуй, – довольно отчужденно сказала она.

– Не рада?

– Почему? Рада.

– Не чувствую.

– Узнаю братца. Сразу же в бутылку лезешь, не успел еще поздороваться.

– Вижу, не ждали меня здесь, – угрюмо пробурчал Валек.

– Что ты все заладил: «Не рада, не ждали». Тоже мне, народоволец, вернувшийся из ссылки. Да ждала я… – Она несмело взяла руку брата своей маленькой влажной ладонью. – Поверь, Валя… – Это робкое прикосновение внезапно наполнило сердце Валька нежностью к сестре. Глаза его увлажнились, в носу защипало… «Не хватало еще слезу пустить», – смущенно подумал он. А сестру словно подменили. Она суетилась около него, стараясь накормить то одним, то другим, вытаскивая еду из белого металлического шкафа.

– Это что? – спросил Валек, кивнув на шкаф.

– Холодильник, – пояснила сестра. – Недавно купили, Володе на работе выделили.

– Володя – это муж, что ли?

– Муж! Он тебе понравится… Хороший…

– А вот я ему вряд ли. Кому может понравиться уголовник… зэк…

– Снова ты… Ведь даже еще не видел, не познакомились…

К вечеру появился Володя – здоровенный белобрысый мужик, на полголовы выше немаленького Валька. Похоже, он действительно был рад встрече. Во всяком случае, как ни пытался уловить хотя бы нотку фальши в его поведении Валек, это не удавалось. Сели за стол, разлили водку…

– Ну, с приездом! – сказала сестра. Под пельмени быстро прикончили бутылку. Сестра то и дело выбегала то к ребенку, то на кухню.

– И чем заняться собираешься? – осторожно спросил Володя.

Валек пожал плечами.

– Не знаю, специальности ведь нет никакой. Лес умею валить… – он невесело усмехнулся.

– А вообще какие планы? – не отставал зять.

Валек хотел вскипеть и сказать что-нибудь язвительное, обидное, но взглянул в простодушное лицо Володи и передумал, только поморщился.

– Могу устроить к нам в цех, – сказал зять, – хотя бы подкрановым. Особой квалификации не требуется, а зарплата неплохая.

– А жить где?

– Да живи у нас.

– Глупости. У вас и так места немного, а тут я…

– Можно в общежитие. А потом видно будет.

– Неплохо бы…

– Или комнату у кого снимешь. Сейчас многие жилье сдают. А вот как там, расскажи.

Он не сказал, где «там», но Валек понял, что его просят рассказать о лагере.

– Там… – он в первый раз за вечер произнес матерное слово. – И вспоминать неохота. Вот смотри, – он широко раскрыл рот. – Одни железяки желтые да белые… Или вот, – сунул под нос Володи левую руку без двух пальцев. – Требуху показать не могу, но тоже не в лучшем виде. Так что, зятек, и заговаривать об этом не стоит.

– О чем толкуете? – поинтересовалась вошедшая с очередной тарелкой сестра.

– Ты садись, – потянул ее за руку Валек, – хватит бегать взад-вперед.

– А вот скажите, – спросил Володя, переводя взгляд то на брата, то на сестру, – почему вы такие разные, ведь близнецы же? Валентин вон чернявый, смуглолицый, глаза темные, а Катя у меня словно из сметанного теста вылеплена. Близнецы должны быть похожи друг на друга как две капли воды.

– Мы не близнецы, а двойняшки, – пояснила Катя. – Близнецы – это когда однополые, то есть однояйцовые, а мы…

– Да брось, – перебил ее Валек, – давай лучше за отца с матерью выпьем. А то совсем про них забыли.

Сестра горестно потупилась, потом проговорила:

– В прошлом году вызвали меня в КГБ. Справки вручили и на папу, и на маму. Мол, реабилитированы посмертно… Ни в чем не виноваты, значит…

– Ах, суки! – невольно вырвалось у Валька.

– Ты помнишь, как их забрали? – спросила Катя.

– Вроде ночью? – в сомнении произнес Валек. – Кажись, весна была… или зима?

– В марте… Считай, ровно десять лет назад. Сразу после праздника – Международного женского дня. – Она невесело усмехнулась. – Пришли, точно, ночью. Все перерыли. Отец, помню, все повторял: «Это ошибка… Это ошибка…»

– Ага, – сказал Валек, – это и я помню. Интересно, за что их прихватили?

– Может, донес кто? – высказал предположение Володя. – У нас в цеху работает один, раньше в органах служил, потом уволили… Так он рассказывал: все на доносах построено было. Одного хватали, он на второго стучал, а тот на третьего… так и раскручивали дела, а потом докладывали о раскрытии шпионско-террористической группы. Вот и ваших, должно быть.

– Отец в исполкоме работал, мать в гороно. Какие они шпионы-террористы?

– Э, брат, – перебил Валька зять, – тебе ли рассказывать, какие шпионы там сидят. Сам небось знаешь…

– А ведь хорошо жили, – вздохнул Валек, – все было. Всегда одеты-обуты… Хаванина… еда то есть, – поправился он. – И если бы их не забрали, разве б я стал вором? Ах ты!.. – он залпом выпил рюмку.

– Спасибо тетке, – сказала молчавшая Катя, – не бросила в трудный час. – Царство ей небесное, Аглае. Ты вон быстро от рук отбился, дома и то не всегда ночевал, а мы с ней… И как выжили? Только благодаря Аглае десять классов сумела окончить. Ей и еще одному старичку.

– Какому старичку? – не понял Валек.

– Так, одному, – замялась Катя. – Помогал нам, деньги переводил, хотя сам бедствовал. И ей царствие небесное. Ладно, чего уж вспоминать… – она тяжело вздохнула. – Давайте помянем тех, кто не оставил в трудный час.

– А я, значит, оставил? – неожиданно взъерепенился Валек.

– Валентин! – укоризненно произнес зять.

– Оставил не оставил, – спокойно констатировала Катя, – а если бы со шпаной не связался и не сел, я думаю, нам бы полегче было. Ты, собственно, выбрал самый легкий путь, покатился под гору.

– Да я… да я!!! – выкрикнул Валек. – Я там… здоровье… на лесоповале…

– Это все потом было, – отрешенно сказала сестра, – а в самый трудный час ты нас бросил.

Валек хотел закричать еще что-то злое и жалостливое одновременно, но задохнулся и замолчал. Сестра была права. Он предал.

Над столом повисло тягостное молчание.

– Если бы я мог поправить… – наконец произнес Валек через силу.

– А ведь я знаю, кто на родителей донес, – неожиданно сказала Катя.

– Кто?! – Валек так и подскочил на стуле. Он был готов прямо сейчас бежать и мстить. – Говори, Катька!

– Помнишь, старуха с нами в коммуналке на Щорса жила?

Валек напряг память.

– Нас четверо соседей было. Беловы многодетные. Один еще вместе с тобой ошивался. Как вас посадили, за ум взялся. Сейчас на стройке работает бригадиром. Вчера только в магазине видела.

– Ну?

– Потом Кацы. Абрам Львович и Маргарита Владиславовна. Двое детей у них было: Марик и Люся. Абрама Львовича в пятьдесят втором забрали, но быстро выпустили. Тебе Люся нравилась? Потом Екатерина Павловна, одинокая, в театре работала костюмершей. Такая, вечно с поджатыми губами. Лицо худое и бледное. Она, видать, не из простых была. Все из себя аристократку корчила… Вот она на них и донесла.

– Откуда ты знаешь?

– Да уж знаю.

– Откуда, Катя? – вмешался Володя. – Может, напраслину на человека возводишь.

– Откуда знаю, говорить не буду. Но на родителей писала точно она. Мол, скрывают свое истинное происхождение. Космополиты, ну и все такое…

– Какое происхождение? Что ты такое несешь? – вытаращил глаза Валек.

– А такое! Ты никогда не задумывался над происхождением нашей фамилии? И встречал ли однофамильцев?

– Да как-то не очень. Десантовы и Десантовы. Мне даже кликуху хотели прицепить – Десант, но не прижилась. Наверное, какой-нибудь предок в десанте служил в царское время…

– В десанте! – хмыкнула Катя. – Не было тогда десантников. Наш предок носил фамилию де Санти и приехал в Россию при Павле Первом.

– Ну ты даешь, сеструха. Так мы что, выходит, французы?

Катя хотела что-то сказать, но замолчала и посмотрела на мужа.

– Ты мне никогда этого не рассказывала, – удивился тот.

– А о чем рассказывать? Это случилось сто пятьдесят лет назад. За это время мы давно обрусели. Правда, еще дед считался итальянским подданным.

– Значит, я – итальянец! – весело воскликнул Валек.

– Вот Екатерина Павловна на этом факте и решила сыграть, – не обращая внимания на реплику брата, продолжала Катя. – Настучала писульку и послала в КГБ. Там, конечно, не замедлили проверить этот примечательный факт, и точно: внук подданного итальянского королевства.

– А откуда соседка узнала? – недоверчиво спросил Валек.

– Мало ли… Земля слухом полнится.

– А где найти эту старую козу?

– Адрес я тебе дам, – сказала Катя.

– А почему ты сама не прижала эту стерву?

– А прижимать, братец, по твоей части, – спокойно ответила Катя, и на лице ее мелькнула мгновенная злобная гримаска. Мелькнула и тут же пропала.

– Ладно! – зловеще произнес Валек. – Я ее навещу.

– И что ты будешь делать? – в сомнении спросил Володя.

– Разберемся, – резко произнес Валек, – будь спок!

Прошло несколько дней. Валек жил у сестры, спал на раскладушке в комнате, где в деревянной кроватке обитал годовалый племянник Костя. Иногда по ночам ребенок просыпался и плакал, а вместе с ним просыпался и Валек. Первое время он никак не мог отделаться от ощущения, что все еще кантуется на нарах. Но скоро детский лепет стал странно волновать его, будя давно забытые ощущения домашнего тепла и уюта. Ему вдруг пришло в голову: а не это ли главное в жизни? Гуканье малыша, сладкий запах женского тела, идущий от склонившейся над кроваткой сестры, то состояние покоя, которого ему всегда не хватало. А что он хорошего видел? Лагеря, нары, обжигающий мороз на делянке, грохот падающих деревьев, шлепанье грязных засаленных стирок, вяжущая горечь чифиря. И ведь для него это была привычная жизнь, он даже не помышлял, что существует другая, вот такая спокойная и размеренная.

Вместе с зятем он сходил на завод, посмотрел, как работает подкрановый. Дело, что и говорить, нехитрое. Зацепил груз стропами, махнул рукой крановщику, мол, «вирай» – и порядок. Что ж, нужно прибиваться к какому-то берегу.

О визите к старухе, которая якобы заложила родителей, он поначалу забыл. Потом вдруг вспомнил и никак не мог отвязаться от мысли об этом. И что он ей скажет? Ты, мол, бабка, написала телегу на батю? «Нет, – ответит она. – Ничего я не писала, ничего не ведаю. И вообще, молодой человек, на каком основании вторглись в частное владение? С какой стати требуете от меня невесть чего?» Но как ни гнал он от себя неприятные мысли, они непрестанно портили настроение. Казалось, кто-то незримый вдалбливает в голову: «Иди. Разберись. Иди, разберись». Последнюю ночь перед визитом к бабке он даже плохо спал, то и дело просыпаясь с одной мыслью о Екатерине Павловне, которую он помнил весьма смутно. И вот наконец собрался и пошел.

Что из этого вышло – читатель уже знает.

Странное дело – когда Валек пришел к сестре домой, он почти забыл, что с ним произошло. О случившемся он просто перестал размышлять. Все ушло куда-то в сторону, словно увиденное на экране кинотеатра.

Кто убил старуху, за что и куда делась бритва? Все эти вопросы просто перестали волновать его.

Вместо отчаяния на душе ощущалась приятная легкая пустота, словно он выполнил какое-то нелегкое поручение. Выполнил удачно, и теперь можно расслабиться и отдохнуть.

Через пару дней Валек вышел на работу и неожиданно почувствовал интерес к своему новому занятию. Кто бы мог подумать, но ему хотелось вставать ни свет ни заря, ехать в трамвае до проходной, вливаться в поток рабочих, переодеваться в душевой, сидеть на сменно-встречном, а потом «вирать» и «майнать» – поднимать и опускать важные народнохозяйственные грузы. Чувствовалась в пареньке рабочая косточка, которую не смогли переломить ни лагеря, ни нары.

Прошел месяц. Настал день, когда молодой рабочий первый раз в жизни получил честно заработанные деньги. Это событие вызвало некое веселое изумление: он – и получка! Сумма была не особенно велика, но Валек то и дело ощупывал карман. Точно ли деньги находятся там? Но деньги были на месте, заработанные им деньги!

«Половину отдам сеструхе, – размышлял он, – а на остальные куплю какую-нибудь одежку. Хватит ходить в обносках».

– Валентин, может, по кружечке? – предложил крановщик Васька, с которым он работал в паре.

– А чего, – поддержали товарищи по бригаде, – чать, честно заработали, имеем полное пролетарское право.

– «Класс, он тоже выпить не дурак», – процитировал Васька.

– Какой класс? – не понял Валек.

– Рабочий, балда. Это Маяковский сказал.

– Ну раз Маяковский… – Валька распирал смех. Перспектива выпить на честно заработанное обещала новые доселе невиданные ощущения. Может, водка, оплаченная трудовым потом, окажется слаще, чем обычно.

– Идем к Мане, – загалдели работяги. К Мане – значит, в пивную, где командовала здоровенная розовощекая буфетчица. Она, словно дирижер большого симфонического оркестра, управляла толпой разномастных возбужденных мужиков. С тем добродушно пошутит, другого нарочито грубо обругает, а иному и увесистую затрещину отпустит. Хозяйка, одним словом. Кружки с пивом, украшенным густой пеной, и стаканчик, которым она отмеривала порции водки, мелькали в ее руках, словно реквизит фокусника.

Для начала заказали по кружке и по сотке каждый. Взяли соленых сухариков, какой-то подозрительной колбасы под названием «Армавирская». От водки Валек отказался, но с удовольствием отхлебнул пивка, на его глаз, в кружку явно недолитого. Но никто не выражал по этому поводу недовольства. Всем было весело и хорошо.

Валек уже почти допил свое пиво, когда сквозь шум услышал, как его кто-то окликает. Он обернулся и увидел… Ушастого. Настроение мгновенно испортилось. Пиво показалось кислым и теплым, а пивная из храма мужской дружбы и рабочей солидарности вдруг превратилась в заплеванную забегаловку.

– Старого кореша не узнаешь? – шепеляво проговорил Ушастый.

– Почему же? Здорово, Михалыч.

– Так двигай ко мне. Или… – он кивнул на парней из бригады, – новый друг лучше старых двух?

– Извините, ребята, – сказал Валек, обращаясь к товарищам, – потолковать нужно.

– Значит, работягой заделался? – не скрывая насмешки, спросил Ушастый. – Ну и как платят?

– Ничего, хватает, – отрезал Валек, пресекая последующие выпады.

– И правильно, – сказал Ушастый серьезно. – Ты, парень, еще молодой, тебе жить нужно, а воровская доля, она не для всякого годится.

– Точно, – подтвердил Валек. – Рад, что ты меня понял.

– Понял-то понял, и все же…

– Больше на кичу не желаю!

– Да при чем тут кича. Чего ты лепишь или кислятины опился? Никто про тюрьму не говорит. С умом если…

– С умом! У тебя сколько ходок? Семь или восемь? А годков тебе сколько? Чуть больше пятидесяти. Вся жизнь прошла на нарах.

– Ты прямо как «кум» балакаешь. Перевоспитал тебя рабочий класс. Что-то больно быстро.

– А-а, нет, Михалыч, никто меня не перевоспитывал, ты же знаешь, я всегда сам по себе.

– Может, и так, – после некоторого молчания отозвался Ушастый. – Ладно, не будем базары разводить. Выпей лучше. – Он достал из кармана пиджака чекушку и хотел плеснуть водку в кружку Валька.

– Я и сам могу купить, – сказал Валек, прикрывая кружку ладонью.

– Обижаешь! За старую дружбу! Че ты, в натуре?

Валек и сам устыдился своего поведения. Что это с ним? Вроде как скурвился?

– Ладно, наливай! – пробурчал он.

– Другой базар!

– Валентин, ты идешь? – позвали с соседнего столика товарищи по бригаде.

Валек замялся:

– Нет, ребята. Я, пожалуй, останусь. Вот друга старого встретил…

– Молодец, – тихо сказал Ушастый. – А потолковать нам и вправду нужно.

Валек залпом выпил водку, запил ее пивом, сплюнул на пол. Он уже понял, что разговор будет не из приятных.

– Сейчас, конечно, масть сменилась, – осторожно начал Ушастый, – многие урки отходят от закона. Я вот тоже подумываю.

– Ты?! – удивился Валек. – На понт берешь?

– Сука буду. – Ушастый исполнил характерный жест, чиркнув себя большим пальцем правой руки по горлу, а потом зацепил ногтем зубы. – Ты вот правильно сказал: восемь ходок, даже девять. А что я имею? Туберкулез и язву! Но, в отличие от тебя, я уже не молод. Что же мне, на завод идти? «Вира-майна» кричать?

«И это знает, – без особого удивления подумал Валек, – видать, давно пас, а не случайно здесь столкнулись».

– Так вот, – продолжил свои излияния Ушастый, – я подумал: пора и на покой. Ну сколько я еще протяну? Лет семь-десять. В лучшем случае, пятнашку. А на какие шиши? «Гоп со смыком – это буду я…» – вдруг пропел он. – Нет, Валек! Побираться не буду! Лучше в петлю!

Валек в упор взглянул в глаза Ушастого. Глаза были холодные и серьезные, и, хотя в голосе старого вора звучал надрыв, в них читалась не слезливая пустота, а упрямая сила.

– И что же ты надумал? – с интересом спросил Валек.

– Последний скачок сделаю – и на покой.

– Ну ясно. Сначала последний, потом самый последний, потом последний в жизни, потом…

– Ты не смейся! Сказал, последний – значит, последний!

– Допустим. Но даже самую богатую хату бомбануть – на сколько хватит? От силы на год. А потом? Снова на дело?

– Нет, корешок ты мой любимый, эта хата, которую я надыбал, не просто богатая – золотая… – Ушастый оглянулся по сторонам. – Давай-ка на выход. Здесь толком не поговоришь. – Он отставил недопитую кружку и двинулся сквозь гудящую толпу. Валек нехотя пошел следом.

– Я знаешь чего надумал, – продолжал Ушастый дорогой. – Возьму хату, и в Сочи. Или, там, в Анапу. Куплю домишко, найду вдовушку и буду остаток дней на печке ж… греть.

– Бабки большие нужны, – отозвался Валек.

– Верно, сынок, верно! Бабульки нужны крутые. И они будут!

Валек усмехнулся, но промолчал.

– Чего лыбишься?! – свирепо крикнул Ушастый. Несколько прохожих обернулись на них.

– Легче, Михалыч, легче. Чего меня на бас брать? Ну возьмешь ты хату, пусть даже золотую, а потом? Какая-нибудь Дуська-Машка вложит и – «там за горами Магадан…»

Ушастый скрипнул зубами, но промолчал.

Некоторое время они шли молча. Вдруг Ушастый резко остановился.

– Валек, – сказал он тихо, – хочешь, сейчас на колени встану. Вор Ушастый на колени перед тобой упадет. Как пацан! Как петух! Эх, бля!!! – Ушастый виртуозно выматерился.

Валек с интересом ждал продолжения.

– Пойдем со мной на дело, – сказал Ушастый неожиданно будничным тоном. – Ты да я, никого больше. И знать, кроме нас двоих, никто не будет. Я тебя прошу!

Валек молчал.

– В Пожвалаге, ты помнишь, грузин на тебя залупнулся, Анзик? Пришить хотел? Кто отмазал? Михалыч! А проигрался ты, кто помог расплатиться? Опять же Ушастый. Да и вообще, я тебя всю дорогу мазал! Или отопрешься?

– Не спорю, – подтвердил Валек.

– Ну, слава богу! Не гнилой ты. Всегда знал.

– Гнилой не гнилой, а на скачок не пойду.

– Долги нужно отдавать.

– Я тебе ничего не должен.

– Ой ли?

И Валек понял, что попался. Некоторое время они шли молча.

– А что за хата? – спросил Валек.

– Так ты пойдешь?

– Я пока ничего не сказал.

– Ладно! Слушай! Я в Карлаге повстречал Рыбу, помнишь его?

– Ну?

– Ему червонец два года назад сунули, еще долго будет париться. И вот он мне наколку дал. Мужик один, на здешнем тихореченском мясокомбинате работает не то кладовщиком, не то весовщиком. Ага. Этот самый весовщик, фамилия его Русичев, большие дела делает. Если верить Рыбе, то не директор, а он на мясокомбинате первый человек. Рыба, ты помнишь, темнил. Все больше рыжьем занимался, валютой… Так вот, он мне признался, что этот самый Русичев его основным клиентом был. И перепулял ему Рыба рыжья на многие-многие тысячи.

– Зачем же он своего клиента тебе открыл?

– Ты слушай. Когда Рыбу прихватили, он надеялся отмазаться. И, говорит, варианты имелись. Нужно только было очень большой хабар какому-то судейскому или «мусору» дать. Речь шла об очень значительной сумме. У Рыбы таких денег не было. Он из кичи черкнул этому самому кладовщику маляву: мол, помоги, за мной не заржавеет, отдам все до копейки с процентом. Малява точно дошла. Это Рыба наверняка знал. Но ни ответа ни привета он не получил. Тогда он шибко осердился и мне дал наколку. Ты, говорит, Ушастый, раздербань этого гнилого фраера. Чтоб ему, падле, неповадно было. Статья у Рыбы тяжелая, под амнистию не попадает. Так что ему париться от звонка до звонка. Кроме нас троих, никто про кладовщика не знает. Но одному мне не справиться. Так идешь в долю?

– Подумать нужно, – сказал Валек, но уже знал, что все равно согласится.

– Думай, – кисло сказал Ушастый, – но только недолго. К послезавтрему жду ответа.

– Допустим, я соглашусь, но ведь нужно знать, где барыга золото прячет.

Ушастый расплылся в улыбке.

– Ты что, Валек, меня за пацана имеешь? Рыба… – тут он замолчал и внимательно посмотрел на Валька. – Ты пока думай, а я обсмотрю: что да как.

И, не прощаясь, пошел прочь, шаркая, словно старик. Валек некоторое время смотрел вслед сутулой фигуре, потом закурил и задумчиво зашагал в противоположную сторону.

ГЛАВА 3

В то время как Валек Десантов вновь погружался в мутное болото уголовщины, историк Егор Олегов продолжал пребывать на даче. Пошла третья неделя его добровольного заточения. Близлежащий лес исхожен вдоль и поперек, топкие берега озера со зловещим названием Лихое исследованы, причем в ходе исследования была утеряна сандалия сына. Егор Александрович совершил даже экскурсию на кладбище и попытался разыскать могилу Ивана Ивановича Пеликана, странного человека, неведомо как занесенного из Европы в здешнюю глушь.

Обычное деревенское кладбище с покосившимися деревянными крестами, ржавыми железными оградками, заросло ромашкой и куриной слепотой. Егор побродил между холмиками, рассматривая полустертые временем и непогодой надписи на памятниках, но могилу Пеликана так и не нашел.

Дома, поглощая жареные маслята с луком и сметаною, он поймал себя на мысли, что история, частью прочитанная в старых тетрадях, частью услышанная от хозяйки, а частью просто додуманная, не перестает волновать его. Он несколько раз пытался вновь просматривать тетради, но дело почти не сдвинулось с мертвой точки. То, что оказалось возможным прочитать, он уже прочитал, а остальное все так же оставалось за семью замками.

Егор, как и полагается советскому ученому, был человеком пытливым и любознательным. Коли не удается без посторонней помощи понять записки Пеликана, может, стоит подойти с другого бока: разузнать поточнее, кто же такие эти розенкрейцеры?

Для этого нужно отправиться в город и поработать в библиотеках: в институтской, а если понадобится, и в областной публичной. Наверняка что-нибудь да и отыщется.

– Нужно бы в город съездить, – робко намекнул он жене.

– Правильно, – к его удивлению, сейчас же согласилась та, – я и сама тебя думала попросить. Привезешь кое-какие вещи, да и рацион не мешало бы разнообразить…

– Вы же питаетесь исключительно деревенской снедью?

– Конечно, еды хватает, но хотелось бы чего-нибудь вкусненького, хороших конфет, например, а то в станционном ларьке только слипшиеся подушечки.

– Но мне нужно дня на два, на три?..

– Да ради бога. Сколько нужно, столько и пробудешь. А собственно, зачем ты едешь?

Егор уже рассказывал жене про обнаруженные на чердаке рукописи. Она не выказала к тетрадкам особого интереса, заметив, что лучше не совать нос в чужие дела, тем более столь темные. Теперь он несколько уклончиво заявил, что хотел бы поработать в библиотеке.

– Бумажки эти покоя не дают? – саркастически спросила жена. – Дело, конечно, твое, а вот я думаю, не стоит в них копаться.

Олегов пожал плечами и промолчал. Но от затеи своей не отступился. Утром он сел на первый же следовавший в Тихореченск поезд и поспел в институтскую библиотеку как раз к открытию.

Предметный указатель ничего не дал. Упоминания о розенкрейцерах в нем не попадались. Он взял Большую Советскую Энциклопедию, но и там не нашел ничего вразумительного. Дореволюционных справочных изданий в библиотеке не отыскалось. Собственно, они имелись, но заведующая, у которой хранился ключ от огромного шкафа с редкими изданиями, пребывала в отпуске. Егор, провозившись без толку часа полтора, решил, что нужно идти в «публичку». Он наскоро перехватил в институтском буфете пару пирожков с картошкой, стакан жиденького кофе и вышел на улицу.

Стояла тяжелая, изнуряющая жара. После прохладного читального зала она, казалось, давила еще сильнее. А почему-то в деревне жара переносилась значительно легче.

Егор взглянул на часы: было около двенадцати, самое время снова нырнуть в прохладу библиотечных покоев. Он вскочил в троллейбус и за десять минут доехал до «публички».

– Брокгауз и Ефрон? – с некоторым удивлением переспросила старенькая библиотекарша. – А, собственно, зачем он вам?

– Я, видите ли, историк, – с легкой укоризной и в то же время вроде бы извиняясь, объяснил Олегов, – вот мой читательский билет.

– Конечно-конечно, – засуетилась старушка, – просто я удивилась, сейчас так редко спрашивают…

Тома энциклопедического словаря действительно давно не касались человеческие руки, поскольку он был донельзя запылен. Статья о розенкрейцерах имелась, но мало что прояснила. «Мистический орден, – читал Олегов, – предположительно, основанный в пятнадцатом веке Христианом Розенкрейцем. Существование находится под вопросом… Более достоверные сведения, начиная с середины девятнадцатого века… Разновидность масонства…»

– Какие-нибудь другие дореволюционные справочные издания у вас имеются? – поинтересовался он у библиотекарши.

– Есть еще словарь Гранат.

Но и в Гранате информация оказалась столь же скудной.

– А что вас, собственно, интересует? – осторожно поинтересовалась старушка.

– Понимаете, – со свойственным молодым ученым пылом стал объяснять Олегов, – я пишу диссертацию о средневековых рыцарских орденах (тут он немного приврал), а информации на этот счет чрезвычайно мало.

– О да, – сказала библиотекарша, – мистическая литература давно изъята. Еще до войны… Возможно, и есть какие-то специальные хранилища, но мне они неизвестны. Конечно, в Москве в Румянцевке, то есть в Библиотеке имени Ленина, – поправилась она, – или в Исторической такие книги имеются, но, как мне кажется, туда нужен специальный допуск. Впрочем, ученому скорее всего разрешат… Но это в Москве, а у нас… – она развела руками. – Ничем помочь, молодой человек, не могу.

Олегов извинился и повернул было к выходу.

– Постойте, юноша! – окликнула его добрая старушка.

Олегов обернулся.

– Есть один товарищ, – неуверенно сказала библиотекарша, – или, вернее, госп… гражданин… Одним словом, специалист по подобной тематике. Года два назад пришел к нам в читальный зал и попросил сочинения госпожи Блаватской. Я несколько удивилась. Неужели, говорю, не знаете, что у нас в стране Блаватскую не издают уже лет сорок?

– А кто такая эта Блаватская? – поинтересовался Егор, выказывая типичное для советского историка невежество.

– Как, вы – ученый, и не знаете, кто такая Блаватская?!

– К своему стыду.

– В начале века молодежь очень увлекалась ее сочинениями. Оккультизм, мистика, какие-то страшные тайны… Тоннели под миром… Словом, не наша, не советская тематика, – спохватилась библиотекарша. – Так вот, посетитель, который интересовался сочинениями Елены Петровны, оказался довольно словоохотливым. Он рассказал, что долгое время жил за границей, в Харбине, приехал в СССР не так давно, хотя теперь советский подданный. Теософией увлекается с юношеских лет, неплохо знает предмет, ну и так далее…

Он стал приходить сюда весьма часто, и, признаюсь, общаться с ним довольно интересно. Чувствуется происхождение и воспитание. Хотя, возможно, кому-то он покажется старорежимным. Осколком империи, так сказать. Есть в нем некая чопорность… Даже удивительно. Конечно, не пережил человек ни тридцать седьмого, ни войны, да и после войны было

несладко… Однако, это я к слову… Так вот этот человек, как я думаю, мог бы посодействовать в ваших изысканиях. Знания по этой теме у него энциклопедические.

– Но удобно ли к нему обратиться? – в сомнении спросил Егор.

– Вполне, как мне кажется. Тем более, что он сам намекал.

– То есть?

– Для него, как я поняла, оккультизм – увлечение жизни. А здесь, в Тихореченске, и потолковать-то на эту тему не с кем. Очень он сетовал на это обстоятельство. В нашем государстве, смею заметить, мистика, оккультизм, теософия отнюдь не поощряются. Но коли с научными целями, как, например, у вас, то почему бы и не полюбопытствовать. Вот он и говорит: «Если кто, мол, будет спрашивать литературу по этой теме, можете направлять его ко мне, если, конечно, сочтете, что человек приличный и воспитанный, а не какой-нибудь мальчишка-шалопай». Приходят, случается, и такие. Звать этого человека Коломенцев Игорь Степанович. Живет он на улице Пятого года. Сейчас я вам дам точные координаты. – Библиотекарша удалилась и через минуту вынесла листок бумаги, на котором каллиграфическим почерком были выведены имя и адрес.

– Спасибо, не знаю, как вас и благодарить, – расцвел Олегов, и его очочки даже запотели от умиления.

Библиотекарша махнула пухлой ручкой, которую Егор неожиданно для себя подхватил и поцеловал.

Через пять минут, восхищаясь в душе собственной галантностью по отношению к внимательной библиотекарше, Олегов, насвистывая, вышел через массивные двери и остановился на величественном крыльце. Он еще раз взглянул на листок. Улица Пятого года находилась совсем недалеко от его квартиры. Теперь он отправится домой, а вечерком можно зайти к этому Коломенцеву, авось чего и вытянет. Возможно, в другой ситуации он вряд ли пошел бы к неизвестному человеку, но коли тот сам желает познакомиться, почему бы и нет.

Дома оказалось тихо и пустынно. Олегов привык, что рядом постоянно находились дети, и потому некое тоскливое чувство кольнуло душу. «Может, плюнуть на всю эту галиматью и вернуться на дачу?» Он задумался, сидя на краю наполняющейся водой ванны. Вернуться и забыть, а дневник уничтожить? Так и не придя к конкретному решению, пытливый ученый залез в горячую воду и блаженно вытянулся. Конечно, деревенская баня имеет свои преимущества, усмехнулся Егор, вспомнив, как они с женой нахлестывали друг друга березовыми вениками, но и ванна тоже не так уж плоха. Он разомлел и чуть не заснул. Потом вылез, не одеваясь, прошлепал по пыльному полу, растворил все окна, пообедал купленной по дороге снедью и лег спать.

Пробудился он под вечер. Окна квартиры выходили на запад, и комнату наполнял ярчайший солнечный свет. Олегов вскочил с постели, потянулся и неожиданно для себя рассмеялся. Душу охватило чувство, которое с некоторой натяжкой можно было бы назвать счастьем.

Безмятежность, благодушие, одним словом, отпуск, каникулы. Сейчас он сходит в магазин, наберет продуктов, чего-нибудь вкусненького, потом вернется, соберет нужные вещи, захватит несколько книг и отправится на вокзал, сядет в поезд, доедет до Забудкина и снова окунется в ленивую негу дачного существования.

«Постой, – вдруг вспомнил Егор, – а визит к неведомому Коломенцеву?» Стоит ли? Время ведь терпит. Можно сходить через неделю, через месяц… А можно и вообще никуда не ходить, а бумажки, найденные на чердаке, сжечь.

Однако желание поставить точку в этом странном деле оказалось сильнее. Ругая себя за малодушие и бесхарактерность, Олегов наскоро умылся, оделся, начесал жидкие волосики на солидную плешь и отправился на поиски специалиста по оккультизму.

Судя по всему, за массивной дверью, перед которой остановился наш герой, скрывалась огромная коммунальная квартира. В висевшем списке жильцов было не меньше девяти фами-

лий. «Коломенцеву – 6», – нашел он нужное. Методично нажал на кнопку требуемое количество раз.

Долго никто не открывал, наконец щелкнул замок и на пороге предстал высокий седовласый мужчина лет шестидесяти.

– Что вам угодно? – с нездешней учтивостью поинтересовался он.

– Мне бы товарища Коломенцева, – с некоторой робостью произнес ученый.

– Он перед вами.

– Я, видите ли, сегодня был в библиотеке, и библиотекарь, – тут он запнулся, вспомнив, что даже не узнал имени доброй старушки, – да, библиотекарь, пожилая такая женщина… – он снова остановился, не соображая, как быстро и ясно сформулировать, зачем пришел.

– Проходите, пожалуйста, – не дожидаясь конца объяснений, пригласил седовласый. – Тут у нас, конечно, несколько захламлено, – он кивнул на разномастные корыта и велосипеды, стоявшие на полу и висевшие по стенам. – Не обращайте внимания, пожалуйте в мои, так сказать, апартаменты. – Слово «апартаменты» произнесено было несколько иронично, но в то же время с большим достоинством.

Егор несмело двинулся за мужчиной по каким-то полутемным коридорам, то и дело натыкаясь на острые предметы.

Наконец седовласый толкнул дверь, и Олегов очутился в довольно просторной комнате, обставленной причудливо, хотя и с несомненным вкусом.

С первого взгляда больше всего Егора поразила огромная кровать, причем под балдахином. Подобные сооружения Егор до сих пор видел только в кино. Он, полуоткрыв рот, рассматривал лежбище, совершенно неожиданное в советской квартире. Однако чего не увидишь в коммуналке.

– Вы присаживайтесь. – Хозяин кивнул на массивное, с парчовой обивкой кресло. И хотя парча оказалась довольно потертой, а кое-где просто разошлась, кресло тоже произвело на историка сильное впечатление.

– Так с какой целью вы ко мне пожаловали? – поинтересовался седовласый, стоя возле кресла и с высоты своего роста взирая на усеянную мельчайшими капельками пота лысину Олегова.

– Понимаете, – медленно подбирая слова, начал Егор, – я – историк, аспирант нашего педагогического института. И вот сегодня пошел в публичную библиотеку, чтобы раздобыть некоторые сведения, необходимые мне именно как историку. К сожалению, нужной литературы не оказалось. Библиотекарша, очень любезная старушка, дала мне ваш адрес и сказала, что вы можете помочь.

– Раздобыть некоторые сведения… – повторил вслед за гостем Коломенцев. – А какие именно?

– Я, понимаете ли, интересуюсь розенкрейцерами.

– Кем?! – воскликнул хозяин с величайшим изумлением.

– Розенкрейцерами, – упавшим голосом сказал Егор, которому вдруг показалось, что его сейчас вышвырнут за дверь.

– Розенкрейцерами?! – с тем же изумлением переспросил Коломенцев. – Но этого просто не может быть!

– Может, – удрученно сказал Олегов и поднялся. – Прошу прощения, что побеспокоил вас.

– Да куда же вы? За все время моего пребывания в Тихореченске вы единственный человек, который обращается ко мне с подобным вопросом. Но скажите, зачем это вам? – произ-

нося эту тираду, Коломенцев взял Егора за плечи и мягко, но настойчиво усадил его в парчовое кресло.

Олегов уселся на самый краешек и растерянно думал, как бы попонятнее объяснить свой интерес.

– Видите ли… я, так сказать… диссертацию… пыта… пытаюсь писать…

– Научный труд?!

– Ну да.

– Тогда вы попали по адресу. Чаю, непременно чаю, без чаю никак нельзя, – всплеснул руками седовласый хозяин и куда-то убежал. Егор осмотрелся. Кроме чудовищной кровати и такого же кресла, в комнате имелся громадный письменный стол, заваленный бумагами и книгами, а одну стену полностью занимал книжный стеллаж. Олегов попытался прочитать названия на корешках, но тяжелые плотные портьеры создавали в комнате полумрак, и буквы были почти не видны; встать и подойти поближе Егор не решился. Однако большинство книг имело явно старинный вид.

Вернулся хозяин. В руках он нес чайник.

– Сейчас, сейчас… – пробормотал он, достал из ранее не замеченного Егором небольшого секретера два подстаканника, заварочный чайничек, ложки, сахарницу. – К сожалению, не ждал вашего визита, а то бы сбегал за пирожными, но вот есть баранки… Свежайшие, – словно оправдываясь, проговорил он.

– Ну что вы?! – и вовсе смутился Олегов.

– Сидите, сидите, я все сделаю сам. Итак, давайте знакомиться, – весело сказал он, подавая Егору блюдце с подстаканником.

– Олегов… Егор Александрович, – запоздало представился наш герой. – Можно просто Егор. Преподаю в педагогическом…

– Игорь Степанович Коломенцев, – в свою очередь представился хозяин и церемонно поклонился: – Мукомол.

– Кто? – не понял Егор.

– Тружусь инженером-мукомолом на Тихореченском мелькомбинате. Значит, вас, Егор Александрович, послала ко мне милейшая Марта Львовна?

Олегов кивнул, поняв, что речь идет о библиотекарше.

– Замечательно. Наконец-то у меня появилась возможность блеснуть эрудицией. И все-таки, что за труд вы пишете?

Олегов замялся.

– Ладно-ладно, не буду вас попусту допрашивать. Про розенкрейцеров я могу рассказывать очень долго, но вот есть ли у вас время?

Егор сказал, что времени у него достаточно.

– Тогда начнем. Скажите, слыхали ли вы о тамплиерах?

– Рыцари храма, – неуверенно произнес Олегов, – средневековый рыцарский орден… В романе Вальтера Скотта «Айвенго» действует храмовник…

– Верно, верно.

– Помнится, у них еще был конфликт с каким-то французским королем…

– С Филиппом Красивым, – подсказал Коломенцев. – Кое-что вы действительно знаете. Тогда я продолжу.

В 1307 году все члены ордена во Франции были арестованы, имущество их конфисковано. Против тамплиеров было выдвинуто обвинение в ереси и поклонении дьяволу. Корни гонений, конечно, в другом: храмовники достигли такого могущества, что составили конкуренцию королевской власти, к тому же они считались неимоверно богатыми, а казна Филиппа Красивого была пуста. Короче говоря, запылали костры. Десятки тамплиеров вместе с Великом Магистром Жаком де Молэ были сожжены.

Но король так и не завладел сокровищами тамплиеров, они таинственно исчезли. Как говорят, их ищут до сих пор. Однако не в сокровищах дело. По существующей легенде, части французских тамплиеров удалось спастись от костра и бежать в Шотландию, где якобы они учредили новую ипостась ордена, от которой потом пошли масоны. К слову, в некоторых странах, например в Португалии, тамплиеры продолжали существовать вполне легально и не подвергались особым репрессиям, только сменили свое название. Так, к примеру, там существовали рыцарские ордена Калатрава и рыцари Креста, то же произошло и в Испании. Пример – орден Монтесской Богоматери. У тамплиеров было достаточно золота, чтобы оказать давление на испанского короля. У них вообще имелись неограниченные средства, которые, как я уже говорил, так и не были найдены.

– А в чем, собственно, обвиняли этих самых тамплиеров? – поинтересовался Егор.

– О! Обвинения были ужасны. Поклонение Сатане, которого они именовали Бафомет. Сей странный идол изображался в виде козла, а голова его имела два человеческих лица – мужское и женское. Двуполое существо, одним словом. Потом их обрядность… Якобы во время приема в члены ордена новопосвященный должен был целовать в зад остальных членов ордена, а те целовали его. Говорили, что среди тамплиеров процветал гомосексуализм, другими словами – содомский грех. Во время мессы капелланы тамплиеров не совершали причастия, плевали на распятия. Каково?!

– Да уж, – подтвердил всю чудовищность обвинений Олегов.

– Правда, точных подтверждений этому не существует. Показания подследственных на процессе были добыты при помощи ужасающих пыток, а позже большинство из рыцарей отказались от них. Орден, казалось, был разгромлен, во всяком случае, видимая часть айсберга, но легенды и домыслы о нем прошли сквозь века. Говорили, например, что в самом Париже тамплиеры переместились в подземелья и оттуда продолжают править миром. Вы, конечно, слышали о парижских катакомбах. Некоторые находки в них подтверждают это предположение.

– Но при чем тут розенкрейцеры? – перебил Коломенцева Егор.

– Терпение, мой друг. В самом начале семнадцатого века, в эпоху правления Людовика Тринадцатого, именно в Париже впервые появились розенкрейцеры. «Появились», возможно, не вполне подходящее слово. Никто их не видел, но город наполнился невероятными слухами. Толковали, что вскорости в мире начнутся невиданные изменения, с коей целью из таинственных подземелий в мир будто бы вышли тридцать шесть невидимых. Эти-де невидимые и несут свое в массы.

– Бред какой-то, – прокомментировал озадаченный Егор.

– Погодите с выводами. Распространились два манифеста розенкрейцеров. Один назывался «Весть о Братстве, или Публикации общества розенкрейцеров», второй – «Исповедь братства». В них в столь же туманной форме толковалось о переустройстве человечества – ни больше ни меньше! Все рассказывали о розенкрейцерах, но никто их не видел. Сразу же пошли слухи: мол, розенкрейцеры – это те же тамплиеры, скрывавшиеся до времени в подземельях, а нынче появившиеся в подлунном мире.

В 1616 году теолог из германского города Тюбингена, что находится в герцогстве Вюртемберг, опубликовал книгу «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца». Звали этого человека Иоганн Валентин Андреаэ.

– Повторите, пожалуйста, как называлась книга? – удивленно спросил Егор.

– «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца». Христиан Розенкрейц считается основателем ордена. Он жил в XIV–XV веках и прожил якобы без малого сто шесть лет. Сей достойный муж перенес множество невзгод, но в конце концов обрел нечеловеческие качества, точнее говоря, на него снизошло просветление. В книге в той же туманной форме пересказывались многочисленные слухи и толки о розенкрейцерах. Нужно отметить, что розенкрейцеры разра-

ботали целую систему символов, своего рода тайный код, и непосвященному понять его просто невозможно.

«Точно, – подумал про себя Егор, – поэтому я и не смог разобраться в написанном в тетрадках, а книга, которую я нашел в сундучке, называлась именно «Химическая свадьба…» Я еще удивился странному названию».

– А у вас имеется книга этого самого Иоганна Валентина? – спросил он у хозяина.

– К сожалению, нет. Когда-то была, но потом… – он не договорил. – Библиографическая редкость, хотя переиздавалась неоднократно. И что интересно, позже Иоганн Валентин Андреаэ заявил, что книга – всего лишь шутка, мистификация… Вот так-то!

– Так что же, никаких розенкрейцеров не существовало?

– Я повторяю, никто их не видел. Но считалось, будто они могли перемещаться в пространстве с невиданной скоростью, владели секретом превращения металлов, знали все тайны растительного царства…

Кто-то верил, кто-то не верил, но шуму они наделали немало. Появились многочисленные памфлеты и, как сказали бы сегодня, публикации, связанные с домыслами о розенкрейцерах. Сам кардинал Ришелье занимался этим вопросом. В полемику вступил Томазо Кампанелла, автор «Города Солнца». Он утверждал: россказни о розенкрейцерах бред и разврат, призванный совращать чистые умы. Даже великий Декарт пытался докопаться до истины. Он отправился в Германию, откуда, по слухам, произрастало розенкрейцерово древо. В результате его самого объявили розенкрейцером.

«Однако, – подумал Олег, – в этой истории действительно замешаны значительные имена».

– Иоганн Валентин Андреаэ на смертном одре продолжает клясться, что все выдумал. Ему никто не верит… И тут вдруг толки начинают стихать, а после 1625 года вообще прекращаются.

– Тема исчерпала себя, – заметил Олегов.

– Или ее исчерпали в принудительном порядке. Возможно, кто-то именно этого и добивался: сначала внести в общество смятение, а когда цель будет достигнута, прекратить брожение умов.

– Но какая цель?

Коломенцев развел руками:

– Кто знает.

– Весьма интересно, – сказал Егор. – Ну а потом? Розенкрейцеры так и не появились?

– Почему же, появились. И вполне реально существуют по сей день.

– Неужели?!

– Во многих странах мира. В 1865 году основано «Розенкрейцерское общество» в Англии. В 1891 году – в США. Знаменитый французский теософ и мистик Станислас де Гуайта основывает «Каббалистический орден розенкрейцеров»… Ну и так далее. Практически в любой капиталистической стране существуют подобные организации.

– Так это масоны?

– Нечто вроде этих, только в отличие от масонов розенкрейцеры уделяют больше внимания мистике и оккультизму. В Советском Союзе, конечно, ничего подобного не имеется. Последних масонов, насколько я знаю, пересажали и расстреляли в тридцатых годах. Хотя, конечно, до революции подобные структуры имели широкое распространение и пронизывали все тогдашнее общество по вертикали. Масоны имелись не только в Москве и Петербурге, но и в каком-нибудь заштатном Козельске. И не одни лишь масоны, но и настоящие оккультисты. Чего стоит, например, Елена Петровна Блаватская с ее «Теософским обществом»… Всемирную, знаете ли, известность получила. А ее книга «Изида без покрывал» была переведена на

основные европейские языки. Вот, наверное, и все. Чай-то совсем остыл, а вы даже не притронулись.

– Слишком захватывающий рассказ, – польстил хозяину Олегов.

– Надеюсь, что потрафил вашему любопытству, – улыбнулся Коломенцев. – А теперь позвольте полюбопытствовать и мне. Судя по вашей реакции, я смог догадаться, что все рассказанное мной вы слышите в первый раз.

– Именно так, – не стал отрицать Егор.

– Тогда мне вовсе непонятно. Ведь вы – как отрекомендовались – историк?

– Да.

– А в моем рассказе почти нет неизвестных фактов. Все общеизвестно. В СССР литература на эту тему не слишком доступна, но при желании, тем более профессионалу ее всегда можно отыскать.

– Я никогда раньше этим не интересовался.

– А почему же заинтересовались сейчас?

– Видите ли… – Егор запнулся и задумался.

Хозяин дипломатично молчал.

«Рассказать или нет? – лихорадочно соображал Олегов. – Человек действительно разбирается в вопросе… Может помочь. В чем, собственно, помочь? А может, ему самому будет интересно? Или все-таки не стоит? Что-то не туда он лезет. Для диссертации вся эта средневековая «хиромантия» вряд ли пригодится… Ладно, расскажу».

– Если не желаете делиться, то и ни к чему, – мягко сказал Коломенцев.

– Нет, почему же. Тут никакой тайны нет. Действительно, это не моя сфера. Я, видите ли, занимаюсь советским периодом истории нашего государства. Но недавно вот отправился на дачу… – довольно неожиданно закончил он.

– Очень за вас рад, – удивленно поднял брови хозяин.

– И там обнаружил некие странные документы, записки. Совершенно случайно, учтите. Это старые рукописи на немецком языке. Большую часть я просто не понял, хотя языком владею, а из того, в чем разобрался, уяснил: записки или дневник велись неким розенкрейцером, не то чехом, не то немцем, попавшим в нашу страну во время войны или чуть раньше. Он привез с собой детей, на которых, если я правильно понял, возлагались некие надежды именно мистического характера.

Хозяин слушал Олегова со все возрастающим любопытством. Это было заметно по блеску его глаз, сосредоточенному лицу. Он подался вперед, к своему гостю, словно боясь пропустить хоть слово.

– Так вот, – продолжил Егор, – другой на моем бы месте выбросил эти тетрадки, а я из профессионального интереса и отчасти от нечего делать давай их штудировать. Словом, заинтересовался, да так, что плюнул на дачную жизнь и подался в библиотеку, а потом к вам…

Коломенцев качнул головой, словно не веря услышанному.

– А где эти бумаги? – спросил он.

– Естественно, я их с собой не взял, оставил на даче. Там, в сундучке… Они в сундучке хранились, на чердаке дома, где я живу. Так вот, там еще была та книга… «Химическая свадьба…»

– Неужели?!

– Приезжайте, убедитесь, – шутливо предложил Егор.

– Да я хоть сейчас, – к его удивлению живо отреагировал Коломенцев. – Если это, конечно, удобно.

«Однако! – поразился Олегов. – Неужели ему так интересно? Отдать бумаги, что ли? И с плеч долой».

– Вы извините мою настойчивость, но все вами рассказанное необычно. Следы розенкрейцеров здесь? Невероятно. А как звали автора записок?

– Иван Иванович Пеликан.

– Пеликан!

– Это хозяйка мне сказала. Настоящего имени, говорит, не помню, а звали мы его Иваном Ивановичем.

– И что с ним стало?

– Умер. Попал под поезд.

– Так-так. Значит, вы не возражаете, если я поеду с вами и взгляну на записки?

– Да ради бога. Сегодня, наверное, уже поздно, давайте завтра с утра. Только ведь среда – будний день. Вам не на работу?

– Не волнуйтесь, я договорюсь. Прямо сейчас договорюсь, – со странной горячностью произнес Коломенцев.

– Тогда до завтра. Встречаемся в половине восьмого на вокзале у центрального входа.

И несколько удивленный Олегов покинул обиталище необычного человека.

Ранним утром следующего дня Олегов, нагруженный кульками и свертками, беспокойно топтался на заплеванных ступеньках входа в вокзал, то и дело поглядывая на часы. Поезд отходил без пятнадцати восемь, а Коломенцева все еще не наблюдалось.

«Дурак, взял и на него билет, – клял себя Егор, – теперь бежать в кассу, сдавать… Еще, чего доброго, опоздаю. Наверное, не придет, не сумел договориться или передумал».

Но ровно в половине восьмого Коломенцев появился.

«Пунктуален» – отметил Олегов.

– Вы, я вижу, волновались? – извиняющимся тоном поинтересовался Коломенцев.

– Нисколько, – уверил его Олегов, – хотя определенные сомнения имелись. Я даже билет вам купил.

– Отлично. Тогда вперед. Позвольте помочь, взять часть вашей поклажи, вы нагружены, извиняюсь, как верблюд.

– Семья… – невнятно объяснил Олегов. – А с работой договорились?

– Все в порядке. День свободен.

Егор оглядел своего нового знакомого. Тот был облачен в легкий парусиновый костюм белого цвета, такие же парусиновые туфли, ворот вышитой украинской рубашки расстегнут, а голову венчала соломенная шляпа.

– Да вы прямо дачник.

– Отправляясь в экспедицию, нужно одеваться соответствующим образом, – вполне серьезно сообщил Коломенцев, и Егор внутренне усмехнулся: «Да он педант».

Они уселись на жесткие плацкартные места, паровоз дал гудок, и поезд тронулся. В вагоне, как и прежде, было почти пусто. К своему удивлению, среди немногочисленных пассажиров Олегов опознал прошлого попутчика – старичка с удочками. Тот вежливо приподнял кепку, показывая, что тоже заметил Егора, но остался на своем месте, чему историк даже обрадовался.

– Ваш знакомый? – поинтересовался Коломенцев.

– Разговорились в прошлую поездку, – объяснил Егор. – Несколько утомителен.

Коломенцев понимающе кивнул головой.

– Наверное, много говорит. Стариковская словоохотливость. Иной раз хочется поделиться с кем-нибудь опытом, потолковать о своей жизни, расспросить о чужой. Вполне простительная слабость.

– Согласен с вами.

– Я вот тоже хотел рассказать о себе, но…

– Что вы! Мне, напротив, очень интересно. Ваши знания просто-таки интригуют.

– Ну, если вы не против. Я считаю необходимым, чтобы человек, с которым я собираюсь длительное время общаться, представлял, что я и кто я. На предмет возможных недоразумений.

Егор насторожился.

– Дело в том, – объяснил свои слова Коломенцев, – что я живу в СССР всего второй год. До этого обитал в Харбине, потом в Шанхае, позже перебрался в Сан-Паулу, это в Бразилии. А теперь вот вернулся на родину. И нисколько об этом не жалею.

– Да уж. Кидало вас по миру.

– Это верно. Родился за два года до начала нового века, то есть в 1898 году. Родители мои из купеческого сословия. Отец, дед, прапрадед всю жизнь занимались мукомольным делом, и прадед, как я слышал, тоже был мельником. Словом, потомственные… Первогильдийные купцы. Мельницы, ссыпки, элеваторы… – все имелось. И меня, естественно, по этой же части пустить хотели. Только я, знаете ли, ни в какую. С четырнадцати лет в Гейдельберг рвался философию изучать… Родитель мой, царствие ему небесное, Степан Харитонович, поупирался, но отпустил. В Гейдельберг попасть оказалось невозможно – война. Я и махнул в Стокгольм. В армию меня не взяли, не стоит скрывать, не без отцовской помощи. Я, право, и не стремился. Учился себе в университете, радовался жизни, встречался с девушками. Правда, Швеция в этом смысле довольно консервативна. Стокгольм не Париж. В России все время что-то происходило, какие-то революции, перевороты… Новости узнавал из газет. Потом стали приходить письма, день ото дня все тревожнее. Наконец отец потребовал, чтобы я немедленно вернулся. Что ж! Отцовская воля – закон. Добирался до Нижнего (мы в Нижнем Новгороде, теперешнем Горьком, проживали) чуть не месяц. Тут белые, там красные, и везде шлепнуть без суда могут. Однако пронесло. Приехал домой. Отца к тому времени арестовали и, извиняюсь за выражение, поставили к стенке. Имущество экспроприировали. Они, конечно, могли уехать, но все меня дожидались. Ладно. В Нижнем советская власть твердо держалась. Мы (мать, две младших сестры, тетя с племянником) решили бежать. Зашили золото в верхнюю одежду, бриллианты в белье – и вперед. Не знаю, куда? А кругом!!! Такие страсти творились, что не приведи господь! Все смешалось. Добрались мы до Челябинска, там чехословаки, так вместе с ними по Великому сибирскому пути и продвигались. И при белых несладко приходилось, что ни станция – обыски, шмон. Золото искали. Нашли, конечно.

Он замолчал, видно, вспоминая. По лицу пробежала тень.

– Не поверите, бриллианты в задний проход прятали. Уж извините за такую откровенность. Долго рассказывать о наших приключениях. Тетя с племянником по дороге потерялись, отстали от поезда, так без следа и сгинули. Мать и средняя сестра умерли от тифа, а мы с младшей – Агашей – добрались до Харбина. Там у отца кое-какая недвижимость имелась. Словом, выбрались.

«Не слишком ли он откровенен? – думал Олегов. – Рассказывает такие подробности. К большевикам сквозит, по меньшей мере, неприязнь».

Видно, Коломенцев прочел мысли попутчика.

– Излагаю, быть может, с излишней откровенностью, – с некоторым холодком в голосе заметил он. – Но что было, то было… Из песни слов не выкинешь. Так мне продолжать?

– Конечно-конечно, – спохватился Егор, – очень интересно рассказываете. Точно роман… «Хождение по мукам».

Коломенцев холодно взглянул в лицо историка, но не заметив и намека на насмешку, сказал:

– Именно что хождение по мукам. Так вот. В Харбине дела пошли на поправку. Тут я и решил: какая уж там философия, нужно к делу прибиваться. Проще всего по отцовской дорожке пойти, азы я знаю. В Шанхае, в сеттельменте, коммерческий колледж имелся. Закончил и стал, как и предки, мукомолом. Так прошли двадцатые, тридцатые, сороковые. А потом

пришли… китайские большевики. И все вновь пошло прахом. Сестра с мужем уехали в Штаты, я подался в Бразилию, но в конце концов решил вернуться на родину. Теперь работаю по специальности в Тихореченске, чему очень рад. Можете мне не верить, но о своем возвращении в Россию ничуть не жалею.

– И вы не были женаты?

– Как-то не пришлось.

– А оккультизм? Откуда это увлечение?

– Вы знаете, всегда интересовался. Еще в Стокгольме. Швеция, как известно, родина Сведенборга – великого мистика и теософа. – Он помолчал, поглядывая на пейзаж за окном.

Олегов ждал, последует ли продолжение.

– А вы верите в Бога? – неожиданно спросил Коломенцев.

– Я?! – изумился Егор. – Нет, конечно! А потом я – кандидат в члены КПСС.

– Ах, даже так!

– А по-другому и быть не может. На кафедре истории СССР беспартийных не держат.

– Ну конечно.

В голосе Коломенцева послышалась явная насмешка, и Олегову вдруг стало нестерпимо стыдно за свое поведение. Он внезапно осознал, какую глупость совершил, отправившись с визитом к этому непонятному человеку, скорее всего не разделяющему взгляды строителей коммунизма, а возможно, и скрытому врагу советской власти. До сих пор Егор не общался с подобными индивидуумами. Он даже не предполагал, что такие личности существуют. Коломенцев не критиковал, во всяком случае открыто, наш строй, но, когда рассказывал о своей жизни, дал понять, что не одобряет советских порядков. Опять же увлечение мистикой, а этот нелепый вопрос, верит ли он в Бога. Егор вспомнил совет жены не связываться с найденными бумагами. И почему, дурак, не послушался! А если дойдет до института? Хотя что, собственно, дойдет? Нашел старые записи? Ну и что? Мало ли какие находки делаются. Он отдаст бумаги Коломенцеву, и на этом все кончится. А если не кончится? Вдруг в бумагах заключена некая тайна? Не зря же они зашифрованы. А если та тайна представляет опасность для нашего государства? Как же поступить?

Коломенцев продолжал смотреть в окно.

– Вот сейчас вы пожалели о том, что познакомились со мной, – неожиданно сказал он, не отрывая взгляда от зеленой ленты лесозащитной полосы, заслонявшей обозрение. – Меня всегда интересовало, – заявил он ни к селу ни к городу, – почему вдоль дорог насаживают деревья. Не пытаются ли таким образом скрыть некие объекты от посторонних глаз?

– Ерунда! – резко сказал Егор. – Просто деревья используют для снегозадержания.

– Наверное, вы правы, – отозвался Коломенцев, – хотя одни и те же вещи одновременно служат разным целям.

Олегов снял очки и стал их нервно вертеть в руках.

– Пытливость ума иной раз причиняет неприятности, – назидательно заметил Коломенцев, и в тоне его прозвучала явная издевка. – Впрочем, я могу сойти на следующей станции и вернуться домой. О нашей встрече я никому не расскажу, можете мне поверить, а бумаги вы просто-напросто сожгите.

– Я не понимаю… – судорожно сглотнув, начал Егор.

– А чего тут непонятного? Вы же испугались… Меня! Подумали, как бы чего не вышло. А?

– Ничего я не думал! – буркнул Олегов.

Больше не разговаривали, но Коломенцев не сошел на следующей станции, чего, откровенно говоря, Егор желал достаточно сильно. Они в молчании доехали до Забудкина, так же молча вышли на щебеночную насыпь и зашагали в ногу, словно два бойца. Бедняга Егор совер-

шенно растерялся, он вовсе не знал, как себя вести в подобной ситуации, а гордый потомок нижегородских мукомолов на попятную не шел и голоса не подавал.

Наконец плечом к плечу домаршировали до егоровской дачи. Дети первыми увидели отца, когда он только подходил к дому. Не обращая внимания на незнакомого человека, они подскочили к Егору, почти вырвали из его рук сумки и, поминутно заглядывая в них, потащили в дом.

Во дворе жена варила на керосинке варенье. По случаю жаркой погоды и уединенности места она была облачена в весьма живописный халатик, застегнутый всего лишь на две пуговицы. Прелести были открыты для всеобщего обозрения.

Олегов считал, что жена у него красивая. И действительно, невысокая пухленькая Людмила с миловидным лицом и чуть раскосыми темными глазами нравилась мужчинам. Олегов, особенно в первые годы их совместной жизни, никак не мог понять, почему она вышла за него замуж. Однако задать этот вопрос он не решался, опасаясь услышать нечто в высшей степени обидное.

Коломенцев без всякого стеснения пялился на сверкающие на солнце ослепительно белые бедра Людмилы. Егор заметил это и даже побледнел от злости: вот гад, а еще воспитанием кичится.

Жена подняла глаза на вошедших, ойкнула и запахнула халат. Она вопросительно посмотрела на мужа.

– Товарищ Коломенцев, – со всей возможной для него холодностью отрекомендовал гостя Олегов, – приехал по делам совсем ненадолго.

– Игорь Степанович, – в свою очередь представился гость, галантно поцеловал ручку Людмиле, чем заставил ее покраснеть, потом достал из небольшого саквояжа две плитки шоколада и вручил их смущенным детям. Он так ловко и непринужденно расположил к себе семейство, что Олегов просто диву давался. Через пятнадцать минут во дворе царило невиданное веселье. Куда делся чопорный немолодой господин! Коломенцев шутил, смеялся сам и заражал смехом окружающих, вскоре даже Олегов чуть оттаял и стал улыбаться. Дети не отходили от веселого дяди Игоря, а он показывал им какие-то фокусы, рассказывал старшему сыну, как сделать настоящий индейский лук – одним словом, вел себя так, словно был знаком с семейством Олеговых вечность.

Наконец, когда все немного успокоились, Егор решил довести дело до конца. Он притащил из дома сундучок, достал из него тетради, книги и вручил все это Коломенцеву. Тот с видимым почтением перелистал пухлые тома, мельком заглянул в тетрадки и вопросительно посмотрел на Егора.

– Можете забрать себе, – сказал тот.

– Я вам все верну.

Егор промолчал.

«Можешь и не возвращать», – подумал он. Коломенцев бережно уложил книги и тетради в свой саквояж.

– Ну, орлы, – сказал, обращаясь к детям, – и вы, мадам, – повернулся он к Людмиле, – я отбываю. Рад бы веселиться и резвиться с вами дальше, но ждут дела. Ах, как жаль покидать столь чудное обиталище!

– Оставайтесь! – закричали наперебой дети.

– До поезда еще два часа, – заметила жена, – пообедайте с нами.

Олегов вновь почувствовал укол ревности.

И ведь уговорили! Скоро все сидели за обеденным столом и уплетали жареные грибы с картошкой и пирожки с луком и яйцами.

И тут Коломенцев во всей красе продемонстрировал светское воспитание. Вначале он рассказал, какую огромную клубнику выращивают в Бразилии, мельком упомянул про амазон-

ские джунгли, где ему якобы случалось бывать, вспомнил про белые ночи на фьордах в Швеции. При этом он перешел на вкрадчивый шепот, рассказывая о купаниях в молочной мгле. Слушая его, Людмила разрумянилась, глазки ее блестели, словно от выпитого вина. Она засыпала нового знакомого вопросами. Егор индифферентно молчал, желая только одного: чтобы этот престарелый фат побыстрей убрался восвояси.

Наконец гость взглянул на часы, поднялся и стал сердечно прощаться.

Олегов вспомнил про найденные в сундучке квитанции почтовых отправлений с адресом. «Отдам-ка ему», – подумал он, сходил в дом и вернулся с маленьким бумажным сверточком.

– Вам, – протянул он квитанции Коломенцеву.

– Что это?

– Квитанции почтовых переводов. Нашел среди бумаг. Автор записок, видимо, посылал кому-то небольшие суммы. Возможно, ваше любопытство пойдет дальше прочтения тетрадей.

– Весьма благодарен и за это тоже. Надеюсь, мы еще увидимся?

Олегов кисло сказал, что вполне вероятно.

– Приезжайте! – в один голос подхватили жена и дети.

– Очень возможно, – пообещал Коломенцев.

Сопровождаемый Егором, гость двинулся к выходу.

– Надеюсь, вы на меня не очень обиделись? – вполголоса поинтересовался он.

– Да вроде бы не за что, – попытался отшутиться Олегов.

– Притворяться вы не умеете. И все же прошу прощения. Однако хочу заметить. У каждого человека есть право на собственное мнение. Я немолод, достаточно повидал, и, позвольте вас уверить, значительно лучше, если удается сразу составить мнение о человеке. Звучит, конечно, банально, однако соответствует сути. А что касается тетрадей, вы даже не представляете, насколько они интересны для знатока. Для меня то есть. Еще раз прошу извинить. – И он протянул Егору руку.

Тот, хоть и без особого жара, охотно пожал ее, надеясь, что больше они не увидятся. На том и распрощались.

– Какой приятный человек, – заметила жена сразу после ухода гостя. – Где, интересно, ты с ним познакомился?

Олегов от нечего делать стал рассказывать об обстоятельствах своего знакомства с Коломенцевым, потом вкратце пересказал услышанное в поезде.

– Сразу видно: не наш Ванька! – прокомментировала Людмила.

– Он мне не понравился, – высказал свое мнение Егор. – Чопорный, манерный… И, кажется, лицемерный.

– Не знаю, не знаю… – насмешливо протянула жена. – По-моему, напраслину возводишь на человека. Привыкли вы там, на своем историческом факультете, на каждого штампы ставить. Вполне приличный дядька. Жаль, что не молод.

– Что это значит?! – вскинулся Егор.

– Да ничего особенного, – спокойно ответила Людмила и вернулась к варке варенья, а вконец расстроенный Егор некоторое время слонялся по двору, а потом завалился спать.

ГЛАВА 4

Почти в самом центре Москвы, среди путаниц улочек и переулков стоял не очень большой двухэтажный, в псевдоклассическом стиле, дом с четырьмя колоннами. Скорее всего некогда в доме обитала дворянская фамилия, так сказать, «средней руки».

В конце 50-х подобных строений в Москве имелось значительно больше, чем сейчас. Реконструкция столицы еще в полной мере не коснулась их. Возле входа в здание на стене висела скромная табличка «Лаборатория по исследованию ассоциативных реакций». Особнячок стоял в глубине двора, заслоненный от улицы солидным серым пятиэтажным зданием, построенным скорее всего в конце 30-х годов и напоминающим увеличенный в сотни раз строительный шлакоблок. Вокруг псевдоклассического домика располагались остатки не то парка, не то сада: громадные липы и буйно разросшиеся кусты сирени. Несколько одичавших яблонь дополняли картину. Если бы, скажем, любопытствующий прохожий вдруг остановился перед домиком с колоннами, заинтересовавшись непонятным названием учреждения, и заглянул бы внутрь, то он в лучшем случае был бы остановлен немногословным вахтером и вежливо выпровожен вон. Но случайных прохожих здесь отродясь не бывало.

На втором этаже располагался кабинет руководителя этой загадочной лаборатории – довольно просторное помещение, обставленное неброско, но солидно.

Длинный стол в виде буквы «Т» предполагал проведение совещаний; два основательных кожаных кресла перед низким темного дуба столиком с хрустальной пепельницей посередине намекали на происходящие здесь время от времени задушевные беседы, а поистине огромный кожаный диван, на котором имелась пара подушек-думок, заставлял заподозрить, что время от времени хозяин кабинета ночует на работе.

На стенах кабинета имелись три портрета весьма известных личностей. Прямо над стулом хозяина кабинета висел Никита Сергеевич Хрущев. По правую и по левую руку от руководителя партии и правительства располагались портреты Феликса Эдмундовича Дзержинского и Ивана Петровича Павлова. Лица обоих были украшены усами и бородами, только у Железного Феликса бородка была клинышком, а у великого физиолога – лопатой. Рыцарь революции имел взгляд суровый и пронизывающий, но и Нобелевский лауреат не тушевался, взирал на своего визави достаточно твердо и даже как бы сердито.

В кабинете в кожаных креслах двое – сам заведующий лабораторией и молодой человек лет тридцати пяти.

– Значит, так, Валерий Яковлевич, – сказал зав. лабораторией, – решил я дать вам одно заданьице.

Валерий Яковлевич выжидающе смотрел на начальника, показывая своим видом, что весь – внимание. Ему было не более двадцати пяти. Открытое курносое лицо усеяно веснушками, рыжеватые волосы коротко подстрижены, пухлые губы готовы вот-вот улыбнуться. Молодой человек располагал к себе с первого взгляда.

– Придется тебе, Валера, поехать в Тихореченск, – переходя с официального на доверительный тон, сказал зав. лабораторией. – Открылись новые обстоятельства, связанные с этим городом. Именно по нашему профилю. Довольно интересная история. – Он похлопал по лежащей на столике картонной папке. – Не так давно к нам поступил материал от чешских товарищей. Собственно говоря, это совсем небольшой документ – рапорт, предназначенный для одного гитлеровца – оберштурмбаннфюрера СС Отто Рана. В папке – перевод.

Зав. лабораторией замолчал, заглянул в папку, некоторое время изучал машинописный текст.

– Так вот, – продолжил он, – содержание документа довольно туманно. Видимо, тот, кто писал донесение, и тот, кому оно предназначалось, хорошо знали, о чем идет речь, и поэтому не детализировали.

Кстати, оригинал написан от руки. Да! В тексте говорится, что операция проходит согласно плану. Близнецы отправились в дальний путь. Сопровождает их Пеликан. Пункт назначения – город Тихореченск в России. На первый взгляд, речь идет о засылке очередных шпионов. Но не так все просто. Во-первых, кто такой Отто Ран? Личность в общем-то известная. Этот эсэсовец являлся специалистом по оккультизму. Как ты знаешь, нацисты весьма рьяно интересовались подобными вещами. Внутри самого СС существовала еще более тайная организация «Аненэрбе», в переводе – наследие предков, напоминавшая по своей структуре рыцарский орден. То же деление – оруженосцы, рыцари, сенешали… Клятвы на крови, руны, культ Вотана, ну и все такое.

Отто Ран занимался проблемой Грааля. Смешно даже – лагеря уничтожения и Грааль. Но для них, видимо, все это было вполне серьезно. Из текста ясно, что близнецы – дети, причем очень маленькие. Что это за миссия – неясно. Можно только понять: кроме упомянутого Пеликана в перевозке детей в Россию принимало участие еще несколько человек. И сам автор, он подписался – Аргонавт, тоже отправился в далекое путешествие вслед за близнецами.

Донесение, как видно, не попало по назначению. Дело в том, что Отто Ран погиб в конце 1939 года, а донесение датировано июлем того же года. Само же донесение было найдено в Праге при ремонтных работах в сейфе, находившемся в стене старого дома. Кто конкретно жил в этом доме, установить не удалось. Донесение, конечно, весьма туманно, но в тексте, кроме пункта назначения, имеется и вполне конкретный адресат, семейство Десантовых, проживающее в Тихореченске. Именно они и должны организовать встречу близнецов и сопровождающих. И еще. Как явствует из текста донесения, вся акция организована розенкрейцерами, а Пеликан носит довольно высокую степень посвящения, он – рыцарь, то есть принадлежит к руководству организации.

– Но ведь розенкрейцеры – это что-то мифическое, – удивленно спросил Валера.

– Вполне реальные организации. Возродились в середине девятнадцатого века и сейчас существуют по всему миру. Суть не в этом. Ты представь! Идет война, вся Европа пылает, танки, пушки… Словом, кошмар! И вдруг неких детей везут через этот пылающий ад в глубину России. Для чего? Почему именно в Тихореченск? Теперь. К этому весьма странному делу причастны нацисты, причем не они его организуют, а, так сказать, лишь держат на контроле. Для чего? Теперь о семействе Десантовых. Кто это?

Резидентура нацистов? Какие-то сектанты? Или вовсе случайные люди? И еще. Буквально на днях из Тихореченска поступило сообщение, что некий сотрудник истфака местного пединститута вдруг ни с того ни с сего заинтересовался розенкрейцерами. С чего бы это? Данные об этом гражданине тоже в папке. Дело мне представляется весьма интересным. А тебе и карты в руки. Занимайся, распутывай… Возьми папку, ознакомься с донесением. Поработай в библиотеке, подними фактуру по этим самым розенкрейцерам, загляни в архив, а потом выезжай в Тихореченск и проводи работу на месте. Все!

Он поднялся, давая понять, что разговор окончен.

Прихватив картонную папку, рыжеволосый молодой человек покинул кабинет завлаба и перебрался в свой, значительно меньших размеров и гораздо скромнее обставленный. Собственно, это была крохотная клетушка с обшарпанным письменным столом и двумя казенного вида стульями. Однако спартанская обстановка ничуть не удручала рыжеволосого. Он настежь распахнул окно, за которым чуть слышно шелестела листва, достал из стола бутылку «Нарзана», откупорил ее, налил себе стакан, выпил, поморщился, потому что вода была теплой, и начал читать перевод донесения.

«Отто РАНУ

Конфиденциально

Господин оберштурмбаннфюрер!

Согласно нашей с вами договоренности я посылаю очередное донесение, возможно последнее, во всяком случае из Праги. Операция по отправке близнецов в Россию началась. Пеликан и сопровождающие его люди повезли детей сначала во Львов, а потом дальше…

Розенкрейцеры возлагают огромные надежды на реализацию Плана. Об этом говорит тот факт, что в акции участвуют лица достаточно высокой степени посвящения. Сам Пеликан – Рыцарь. Место назначения – город Тихореченск. Там их должны встретить и разместить. Фамилия людей, организующих встречи, Десантовы.

Маршрут, пролегающий по России, тоже неизвестен. Скорее всего он не имеет четкой географической привязки. Через два дня я выезжаю следом. Постараюсь поддерживать с вами связь через германское посольство в Москве. В случае изменения ситуации перехожу на автономное функционирование.

Аргонавт.

5.08.1939».

Перечитав несколько раз текст, рыжеволосый налил в стакан остатки «Нарзана» и рассеянно смотрел, как со дна поднимаются пузырьки газа и лопаются на поверхности.

Фамилия рыжеволосого – Жданко. В лаборатории он трудился второй год и до сих пор удивлялся, в сколь необычном учреждении он работает. Биография у Валеры была самая простая. Родился в Москве. Второй, младший, ребенок в семье мелких служащих. Школу окончил с серебряной медалью, дальше биофак Московского университета, комсомольская работа на факультете, одновременно общественная нагрузка – участие в рейдах молодежных дружин, помогавших милиции наводить порядок на улицах Москвы. Борьба со стилягами, мелкими хулиганами, разного рода шпаной.

Одно время Валера настолько увлекся своей второй деятельностью, что даже подумывал: не перейти ли на юридический факультет? Однако эти мысли так и не воплотились в жизнь. В институте он вступил в партию и чуть было не женился. Потом попал по распределению в одну из московских школ. Он не просил оставить его в столице и был несколько удивлен тем, что его трудоустроили в городе. По его разумению, этот факт определило сотрудничество с органами.

Он по-прежнему принимал активное участие в рейдах народной дружины и был на хорошем счету в знаменитом «полсотом» отделении милиции – переднем крае борьбы с различными тунеядцами, не приемлющими советский образ жизни.

К концу второго года работы в школе Валерий Жданко был вызван на Лубянку, где с ним провели беседу и предложили работу в лаборатории по исследованию ассоциативных реакций. Он не совсем понял, при чем тут КГБ, но, не раздумывая, согласился. Надо так надо!

Если бы раньше Валере кто-то сказал, что в структуре Комитета государственной безопасности имеется подразделение, занимающееся парапсихическими исследованиями, он бы рассмеялся такому человеку в лицо. Но факт оставался фактом. Лаборатория исследовала именно эти, как писали в советской прессе, «лженаучные темы».

Первые два месяца Валера под присмотром неразговорчивой пожилой сотрудницы занимался составлением обзоров и заполнением формуляров. Знание английского языка очень при этом пригодилось. Валера просматривал иностранные издания, не столько научные, сколько бульварные, и выискивал в них информацию о разных феноменах. Он узнал, что существуют такие явления, как телепатия, телекинез, телепортация. Он открыл для себя наличие НЛО, на которых на Землю якобы прилетают всевозможные пришельцы с Марса, Ганимеда, альфы Центавра. Ладно бы только это. Тут хоть сколько-нибудь пахнет наукой. А сообщения о полтергейсте? А случаи контактов с призраками? Первое время Валера открыто хихикал, читая

подобную галиматью. Потом хихикать стал только мысленно, поскольку получил серьезное внушение. Под конец у него голова пошла кругом, и не столько от прочитанной информации, сколько от ощущения, что над ним просто издеваются, заставляя отвлекаться на разную чушь. Однако Валера понимал, что никто просто так, ради развлечения, не будет занимать молодого специалиста бессмысленной работой, а тем более платить за это зарплату. Значит, то, чем он занимается, для чего-то нужно.

Поговорить было не с кем. Его начальница вообще казалась глухонемой и цедила несколько слов два раза в день. В крошечном лабораторном буфете почему-то всегда бывало почти пусто, а те немногочисленные сотрудники, с которыми он сталкивался у библиотечных полок, только вежливо здоровались.

В первый раз он понял всю серьезность лаборатории, когда прошлым летом, войдя в вестибюль, увидел висящие на видном месте две большие фотографии, перевитые траурными лентами. На одной был изображен пожилой благообразный человек со старомодной бородкой – так называемой эспаньолкой, на другом – молодой парень с грубоватым, боксерского типа лицом.

– Чьи портреты висят внизу? – осторожно спросил он свою неразговорчивую начальницу.

Она посмотрела на Валеру и еле слышно вздохнула:

– Пожилой – профессор Струмс, а второй – его ассистент.

– И что же с ними случилось?

– Погибли на боевом посту, – совершенно серьезно заявила она.

– Их убили?

– Молодой человек! Если желаете получить более подробную информацию, обратитесь к руководству.

Но обращаться к руководству Валера, конечно, не стал.

Месяца через три библиотечно-коллекторская деятельность Валеры неожиданно прекратилась. Ему стали доверять небольшие задания. В новые обязанности входила проверка всяческих слухов о паранормальных явлениях, якобы происходящих в Москве. Валера должен был побывать на месте происшествия, опросить свидетелей и запротоколировать их ответы; в заключение он делал краткое резюме.

До сей поры Валера даже не подозревал, сколько странных происшествий случается в столице. Так, например, на Стромынке в квартире одинокой старушки произошел типичный случай полтергейста, о котором Валера столько читал в западной прессе. К бабке в гости приехала из Мытищ внучка. И тут же начали происходить странные вещи. Заскрипела и сама собой начала двигаться мебель, а на кухне открывались краны газовой плиты и вспыхивало пламя. Перепуганная старушка, естественно, позвонила в Мосгаз, а уже газовщик сообщил, куда следует.

Вскоре Валера уяснил, что вся информация о подобных случаях поступает преимущественно из аварийных служб и милиции. Эти организации, как видно, имели строгое предписание докладывать обо всех аномальных явлениях, с которыми они сталкивались. Кстати, о старушке. Как только ребенка убрали из квартиры, обстановка сразу нормализовалась.

Подобных случаев происходило не то чтобы очень много, но и не мало.

Первое время Валера считал все эти россказни мистификацией, а неподдельный испуг очевидцев происшествия – хорошо сыгранным спектаклем. Однако он быстро понял, что советский человек в массе своей не склонен мистифицировать власти. Конечно, пару раз он сталкивался с розыгрышами, в основном подростков, но чаще приходилось иметь дело с вполне реальными происшествиями, вот только никак не поддающимися объяснению. Правда, если допустить существование сверхъестественных сил, тогда все становилось на свои места.

До сих пор Жданко не поручали выезды в другие города. Сегодняшний разговор с завлабом и намечающаяся командировка оставили в душе чувство удовлетворения: значит, его

ценят, раз поручают все более ответственные задания. Растем помаленьку. И окрыленный Валера помчался в библиотеку, чтобы основательно подготовиться к будущей командировке.

ГЛАВА 5

Чем больше Валек Десантов размышлял над предложением Ушастого, тем явственнее склонялся к мысли, что идти на дело придется. Он, конечно, вовсе не боялся Ушастого, да тот и не угрожал, но оказалось задетым самолюбие. Валек действительно был обязан Ушастому, который в заключении несколько раз крепко помог ему. Валек не терпел неоплаченных долгов, воровская заповедь гласила: «Долг – дело святое. Умри, но отдай». Имелась и еще одна причина, о которой Валек старался не думать. Причина эта – скука. Его угнетало однообразие. Физически работа на заводе не особенно тяжелая. Вальку случалось заниматься значительно более изнуряющим трудом. Но он никак не мог свыкнуться с мыслью, что завод – на всю жизнь. Товарищи по бригаде, совсем молодые ребята, часто рассуждали, как будут жить, когда выйдут на пенсию. Из их разговоров выходило, что именно на пенсии и начинается настоящая жизнь. Возможно, разговоры эти велись не особенно серьезно, но когда совсем еще сопляк рассуждал о том, чем он будет заниматься лет через сорок, Вальку становилось тоскливо. В заключении тоже считаешь дни до окончания срока, но ведь там неволя.

Да и тут та же неволя, очень скоро рассудил он. Работаешь «на дядю», а что имеешь? Шиш, по сути дела. И со всех сторон внушают: ты – строитель коммунизма, скоро, мол, жить будем по-другому, от каждого по способностям, каждому по потребностям. И, как ни странно, многие верят идиотским лозунгам. «Настанет день, – уверенно рассуждают они, – товаров и продуктов в магазинах станет – завались. Приходи и бери все, что душа пожелает. Причем совершенно бесплатно».

Те, кто постарше, недоверчиво улыбались, слушая рассуждения комсорга на сменно-встречном собрании, но идея коммунистического рая притягивала своей нереальностью. Вот-вот догоним и перегоним Америку, и уж тогда!..

Но Валек не собирался ждать и надеяться. Он хотел жить сейчас. Ушастый со своим предложением появился как нельзя кстати. Идея хапнуть куш у барыги, которого сам бог велел дербанить, оказалась весьма заманчивой.

Через пару дней после разговора в пивной Валек, как обычно, возвращался домой со смены. Неожиданно откуда-то сбоку к нему подвалил Ушастый.

– Здорово, – сказал он.

– Привет.

– Ну как, надумал? – без обиняков перешел Ушастый к делу. Валек промолчал. – Не слышу базара.

– Ты, Михалыч, видать, вовсе умом тронулся, при всем народе подходишь и сразу про дело толковать начинаешь.

– Невтерпеж мне! – горячо заговорил Ушастый. – Только об этом и кумекаю. Уже и хату обсмотрел, подходы, уходы… Ты меня знаешь, я втемную на дело ни ногой. Давай возьмем флакон и потолкуем где-нибудь в холодке.

В ближайшем магазине была куплена водка, закуска и, устроившись под кустом в каком-то запущенном садике, друзья принялись обсуждать предстоящее дело.

– Значит, Валек, как я понял, ты в доле? – спросил Ушастый, раскупоривая бутылку.

– В натуре!

– Я не сомневался, – довольно проговорил Ушастый, прямо из горлышка отхлебнул водки, потом подцепил корявыми пальцами несколько килек, затолкал их в рот и смачно зачавкал. Валек налил себе в грязный захватанный стакан и тоже выпил.

– Не сомневался я в тебе, корешок ты мой ясный, – пропел Ушастый, – знал, что не скурвился. Ты когда на выходной идешь?

– Завтра последняя смена.

– Нормалек. Послезавтра, значит, в четверг, залепим хату.

– Днем?

– Ну! Ее только днем и брать. Этот хрен, кладовщик, живет вдвоем с женой, ни детей, ни родичей, только псы по двору бегают. Ух и злющие, черти. Он их, кладовщик то есть, сырым мясом кормит. Натащит с мясокомбината… Падла такая… Ага! Живет он в поселке, недалече от работы. Дом стоит на отшибе, забор высоченный, по верху «колючка» пущена, ворота железные. Баба его вместе с ним пашет, в обед они оба приходят домой… После двух снова уходят. Вот тут и наше время настает.

– Я что-то не очень понимаю. Ты же сам говоришь, там собаки?

– Собак не будет.

– Темнишь, Михалыч?

– Отвечаю!

– Допустим. А ты знаешь, где деньги и золотишко лежат?

– Вот тут ты, Валек, в яблочко попал. Где «рыжье» и бабки, точно не скажу, хотя мне Рыба наколку дал… Нам, главное, в дом залезть, а там видно будет. Пустыми не уйдем. Значит, так. В четверг в двенадцать встречаемся в шалмане и добазаримся окончательно. И уже оттуда канаем на дело. Усек?

– Лады. Надеюсь, без мокрухи обойдемся?

– Ну, Валек. За кого ты меня держишь? Я – честный домушник, а не стопарь с прихватом. Все путем.

«Будем надеяться, – размышлял Валек, возвращаясь домой, – что Ушастый действительно все обдумал и рассчитал. Обычно он не врет. А не до конца все рассказал, так, очевидно, сглазить боится».

– Выпил, что ли? – спросила сестра, открывая дверь.

– Все нормально, Катя, чуть-чуть, с товарищами по бригаде. Как говорится, с устатку.

Она странно на него посмотрела.

– Говоришь, с заводскими?

– Ну!

– А может, братец Валя снова в тюрьму захотел?

– Чего это ты мелешь? – опешил Валек.

– Да не мелю я, – спокойно ответила Катя, – я просто пытаюсь понять, почему тебе на воле не нравится? Там-то чем лучше?

– Я не понимаю… С чего ты взяла? Или, может, я мешаю… место в квартире занимаю? Ну, выпил чуток, при чем тут тюрьма?!

– Как знаешь, – так же спокойно продолжила сестра, – только все может обернуться значительно хуже, чем ты можешь представить.

– Что обернуться?! О чем ты говоришь?!

Но Катя оборвала речь и ушла на кухню.

Валек какое-то время стоял в прихожей, пытаясь осмыслить состоявшийся разговор. Неужели ей что-то известно? Но откуда? Встретила его в компании с Ушастым? Но она не знает Ушастого в лицо. Может, кто стукнул? Когда они в прошлый раз разговаривали в пивной, их видело много народу. Допустим, видели. И дальше? Мало ли с кем он мог говорить. Или вдруг планы Ушастого стали известны ей… Но это и вовсе невероятно.

– Иди кушать! – услышал из кухни. Сестра как ни в чем не бывало поставила перед ним тарелку дымящихся щей.

Валек хотел было продолжить разговор, но передумал и молча стал есть.

Наступил четверг. До сей поры Валек старался не думать о будущем предприятии. Впрочем, обстоятельства предстоящего ограбления его вовсе не беспокоили, дело привычное, да и

Ушастому он вполне доверял. Больше волновало другое: откуда сестра проведала, что он вновь стал на воровской путь? А в том, что она догадывается или знает наверняка, он не сомневался. Тягостное, тревожное чувство не покидало его, на душе кошки скребли. «Чем скорее все произойдет, тем скорее успокоюсь», – думал он, идя на встречу с Ушастым.

В пивной на базаре, куда он устремился, собирался обычно разный темный народ: барыги, перекупщики краденого, карманники, просто мелкая шпана. Пили водку пополам с пивом, закусывали вяленой рыбой, солеными сухариками, моченым горохом, бахвалились удачными делами, фартовыми сделками, иногда дрались, казалось, не на жизнь, а на смерть, а после утирались рукавом, размазывая кровь по лицу, и снова пили, часто с теми же, кому минуту назад рвали глотку.

Милиция обходила это место стороной, только базарный участковый, известный под именем дядя Мирон, – здоровенный усатый хохол – безбоязненно заходил в шалман и, случалось, выхватывал из толпы какого-нибудь мелкого щипача и тащил того в отделение. Народ обычно не выступал. Так было нужно для мирного сосуществования двух систем.

День стоял жаркий и безветренный, на небе не наблюдалось ни облачка, но, несмотря на зной, Валек не снял пиджака, в карманах которого лежали нож-выкидушка и кое-какой воровской инструмент. У входа на базар он выпил кваса, от которого заломило зубы, купил стакан жареных семечек и, небрежно сплевывая шелуху под ноги, медленно зашагал к пивной.

Внутри тесноватого помещения не протолкнуться. Сизое облако табачного дыма словно туманом окутало посетителей. Пьющие располагались за высокими обшарпанными столами, а то и прямо на пустых пивных бочках. На засаленных обрывках газет была разложена закуска, тут же стояли бутылки с водкой.

Тощая, как щепка, буфетчица в засаленном, некогда белом халате качала ручным насосом пиво в кружки. На лице ее было написано брезгливое отвращение.

– Валек? – услышал он откуда-то сбоку. Обернулся. Ушастый стоял вполоборота и даже не глядел в его сторону.

Валек приблизился.

– На, отхлебни. – Ушастый придвинул еще не начатую кружку. – Ну что, готов?

– Ага.

– Ништяк. Сейчас оприходуем, – он кивнул на пиво, – и на работу. Жара сегодня – дышать нечем. «Болдоха пухнет, а мы идем на дело», – пропел он вполголоса. – А, корешок? Все путем?

Ушастый показался Вальку слишком возбужденным, обычно он всегда оставался невозмутимым.

– Ты что, бухнул? – поинтересовался Валек.

– Да ну! Я на дело сухим хожу, ты же знаешь. Просто мандраж чуток бьет. Уж больно фарт крутой валит, вот я и нагрелся. Всю неделю этого сундука пас. Он на службу кандехает, я за ним. У проходной болтаюсь, жду. На обед с бабой своей порыл, я следом. Ни разу не трекнулся, что я цинкую. Ага! Он, в натуре, уж такой правильный, по часам, видать, живет. Если на пахоту ушел, то уже не вернется до срока, а как похавает, ровно без пяти два на свою скотобазу рвет.

– Он молодой, старый?..

– Старик! Лет шестьдесят, наверное. Седой весь. Куда ему бабки? Короче, я все срисовал в лучшем виде. Забор высокий и крепкий, из вагонки сделан. Метра три, наверное, высотой. По верху протянута «колючка». Во дворе псы. Но я – не лох, тоже кой-чего петрю. Дом стоит на окраине поселка. Место укромное, он, видать, спецом такое выбрал, чтобы не дыбали, кто к нему шлендает. Но у забора дерево высоченное растет. Тополь, что ли… И прямо над двором нависает. Ты залезешь, а потом по веревке спустишься. Сечешь? Я бы и сам, да куда с моим

ревматизмом. Ага! Значит, спустишься с верхотуры, я щекотнусь, ты мне откроешь. Там замок с внутренней щеколдой.

– А собаки?

– Самое главное. Вот тут, – он пнул холщовый мешок, лежащий на полу, – мясо. Ты как на дерево залезешь, оттуда его вниз и покидаешь, собакам то есть…

– Думаешь, нажрутся халявной хаванины и кусаться перестанут?

– В натуре, только не от сытости. У меня есть один порошочек… – Ушастый похлопал себя по карману пиджака. – Пятнадцать минут – и бобики лапки кверху. Въехал?

– Отрава, что ли?

– Ну! И не спрашивай, где нарыл. Проверил, будь спок. Действует еще как! Ладно, поканали отсюда, – сказал он, взглянув на часы.

Поселочек, где проживала будущая жертва, был действительно небольшой, но справный. Дома на загляденье, заборы высоченные.

– Самое куркулевское место, – со знанием дела объяснил Ушастый. – Нахапали! И куда только ОБХСС смотрит.

Валек засмеялся:

– Ты прямо прокурор!

– А чего?! Таких я всю жизнь душил и, сколько можно, душить буду. С работяг шерсть стригут… Жиреют на рабочем классе, суки. Вон его дом, кладовщика то есть. Смотри, забор самый высокий в околотке. Ну ничего, «недолго фраер танцевал». Залезть сможешь? – он кивнул на громадный тополь.

– Запросто.

– Законно! Пока в кустах посидим. Он уже, видать, дома.

Они спрятались за пыльной акацией.

– Ага. Вот они. Дыбани…

Валек увидел, как растворилась калитка и из нее вышли двое пожилых людей: мужчина и женщина.

– Потопали, – удовлетворенно проговорил Ушастый. – Ты посиди пока тут, Валек, а я все же малость провожу их. Подстраховаться не помешает.

Через пять минут он вернулся.

– Теперь твой выход. Бери сидор, – он протянул мешок, – и полезай. Только не спеши, торопиться некуда.

Валек перекинул мешок за спину и осторожно полез вверх по корявому стволу. Очень скоро он уже сидел на ветке среди густой листвы. Отсюда хорошо был виден просторный забетонированный внутренний двор с круглым колодцем под жестяной крышей. По двору бегали три здоровенные овчарки. Они, видно, почуяли Валька, потому что судорожно заметались и начали визгливо, не в лад, лаять.

Валек поудобнее устроился на толстом суку, перекинул мешок на грудь, вытащил крепкую, в узлах, веревку, один конец привязал к дереву, другой бросил вниз. Собаки рванулись к веревке и, захлебываясь в лае, пытались ухватить ее зубами.

– Сейчас я вас прикормлю, – прошептал Валек и достал из мешка кусок мяса. Он подержал его на весу, понюхал. Ничем особенно не пахло. И все же нужно осторожней – еще отравишься этой дрянью. Он с размаху бросил мясо на землю. Собаки отскочили, но тут же приблизились, недоверчиво обнюхивая кусок.

Валек замер. А что, если не будут есть, почуют отраву?

Но псы неожиданно с остервенением набросились на мясо и мигом его проглотили.

Валек достал из мешка остальные куски и побросал вниз. Собаки быстро расправились с новой подачкой. Теперь они уже не лаяли, а с вожделением смотрели вверх, ожидая жратвы.

«Интересно, если я грохнусь вниз, – подумал Валек, – за сколько минут они разорвут меня?»

Собаки топтались возле веревки и напряженно смотрели вверх. Неожиданно одна закрутилась на месте, пытаясь укусить собственное брюхо, следом начали так же вести себя и остальные: метались по двору, катались на спинах, терлись животами о бетон. Скоро они лежали в разных углах двора, тяжело дышали. Тела их сотрясались от дрожи, изо рта лезли клочья пены.

«Похоже, готовы», – решил Валек и стал спускаться вниз.

Собаки издыхали. Они надрывно перхали, скулили и жалобно смотрели на незнакомца, словно надеясь, что он облегчит их страдания.

Валек подошел к калитке и свистнул. В дверь тихонько постучали. Чуть скрипнула калитка, и во двор, словно тень, проскользнул Ушастый.

Он оглядел представшую перед ним картину и удовлетворенно хмыкнул:

– Допрыгались, сучьи дети! А, Валек? Ловко мы их?

Но для верности все же…

Он достал из-за сапога финку, подошел к ближайшей собаке, оттянул голову и резко чиркнул по горлу ножом.

Струя крови хлынула на раскаленный под солнцем бетон, собака издала короткий хрип, дернулась и затихла.

– На всякий случай, – удовлетворенно произнес Ушастый, – мало ли… Вдруг очухаются. – Ту же операцию он проделал и с остальными собаками.

– Да и им полегче, – неожиданно заметил он, – не будут долго мучиться.

Залитый летним солнцем бетонный двор, трупы собак, и Ушастый, ухмыляясь, машет ему окровавленной финкой – картинка эта еще долго стояла перед глазами Валька.

– За мной! – Ушастый кинулся к входной двери. – Ага. Заперта. Ничего, сейчас выдрючим. Два внутряка, гляди ты! Значит, и собачкам своим не доверял, падла. А дверь?! Нет, ты дыбани. Железная! Только под дерево выкрашена.

– Замки серьезные? – спросил Валек.

– Сейчас посмотрим. Для Ушастого нет ничего недоступного, – хвастливо заметил вор, – хотя внутряки не хилые. Но на них у нас есть инструмент. А с фомкой тут делать нечего, броня крепка…

Раздался негромкий щелчок.

– Один есть, – констатировал Ушастый, – теперь второй, ну-ка, голубчик, не строй из себя целку… Не бойся дяди. Сколько я вас перехарил. Но без ласки не получится любви. Ага, милок, и ты поддаешься. Ну, все! Спой-ка нам напоследок.

Замок действительно очень мелодично звякнул.

– Что значит клиент – фрейфей! – сказал Ушастый, обращаясь к Вальку. – Богатый есть богатый. Такие замки больших денег стоят. Один немецкий, другой штучного изготовления. Делал такие некий Зыков еще в двадцатые годы. Очень хороший мастер. Сейчас зыковский замок – большая редкость. Вот выйду на пенсию, буду замки собирать или, как правильно говорят, коллекционировать. Ну, пойдем в дом. Чую, длинными бабками здесь пахнет.

Они прошли по небольшому коридорчику и попали в просторную, видно, парадную комнату, обставленную массивной мебелью. На полу лежал толстый темно-красный ковер, стены тоже были полностью увешаны коврами, две ореховые горки сплошь забиты фарфором и хрусталем.

– Мебелишка тоже немецкая, – удовлетворенно заметил Ушастый, – трофейная. Из Германии много чего приперли. Да и чашки-кружки скорее всего трофейные. А? Гляди, Валек, как путевые люди живут. Не то что мы с тобой – голь перекатная. Если это барахло вывезти да с умом толкнуть… но не это нам сейчас нужно. Только бабки и рыжье. Только бабульки!

– Дом большой, – заметил Валек, – где же искать?

– Да, – почесал затылок Ушастый, – хата огромная. – Он взглянул на часы: – Сейчас три. Барыга приходит в начале шестого. У нас в запасе два часа. Времени – выше крыши.

– Если знать, где искать, – заметил Валек.

– А покумекай, где бы ты деньги заховал?

– В подвале.

– Почему в подвале?

– Ну в погребе.

Ушастый усмехнулся, отчего морщинистая физиономия стала похожа на маску клоуна.

– М-да, Валек, шурупишь ты туго. Он кто? Барыга? Значит, ему бабки постоянно нужны. Рассчитываться за товар, для отмазки держать под рукой… Что, а? Придет к нему деловой, а он по погребам лазить будет. Туфта! Деньги где-то здесь, рядом.

– Но у него должны быть заначки?

– Правильно! Он не хранит все бабки в одном месте, я думаю, у него несколько тайников. Да и Рыба про то же толковал. Принимал он его не в этой комнате. Дверь сюда всегда была закрыта. Ну так вот. Рыба трекал: «Выйдет на минутку, и сейчас назад уже с деньгами». Значит, бабки рядом. И еще я думаю, у него основной тайник есть. Где главная часть хабара лежит. Начинаем искать. Ты в этой комнате простукай стены, проверь мебель, подоконники, пол. Шевелись.

Валек принялся за дело. Первая находка ожидала его уже минут через пять. За небольшой картинкой в гипсовой рамке в маленькой нише в стене лежало несколько пачек денег. Валек пересчитал – пять кусков.

– Эй, Михалыч! Нашел!

Прибежал Ушастый. Лицо его презрительно скривилось.

– Мелочь, – хмыкнул он, – однако мы на верном пути, верно Рыба гундел. Ищи дальше.

При простукивании в подоконнике Вальку почудился глухой звук.

– Михалыч? – вновь позвал он.

– Что ты заладил: Михалыч, Михалыч! – Старый вор, похоже, не на шутку рассердился. – Опять пару косых нашел?

– В подоконнике.

Ушастый ударил по дереву костяшками пальцев.

– Вроде что-то есть.

– А как его снять?

– Ломай, не до тонкостев. Вот, «карандашом» подцепи, – он подал Вальку короткий ломик.

Затрещало дерево, и на пол, масляно поблескивая, посыпались золотые вещицы.

– О! Рыжье! – не скрывая восторга, заорал Ушастый. – Пруха пошла! – Он бросился собирать золото, Валек стал моргать. Перед глазами мелькали кольца с камнями, цепочки, монеты, медальоны.

– Уже некисло, – довольно пробормотал Ушастый. – Ты, Валек, прямо носом чуешь, а я вот ни хрена не надыбал. А ну-ка еще!

– Здесь больше ничего нет! – уверенно сказал Валек.

– А ты почем знаешь?

Валек и сам не понимал, с чего это вдруг заявил подобное.

– А где есть? – не унимался Ушастый.

– Идем. – И парень уверенно двинулся вперед.

Вошли в спальню. Тут стояли две огромные никелированные кровати, а стены, как и в первой комнате, оказались до потолка завешаны коврами.

Валек что есть силы рванул один из ковров, сдернул его со стены и с гордостью посмотрел на Ушастого.

– А дальше? – холодно спросил тот. Валек глянул на стену. На ней не было никаких признаков тайника.

– Одна побелка, – констатировал Ушастый. – Рви дальше! – насмешливо произнес он.

Валек резко чиркнул ломиком по стене. Ломик пробороздил штукатурку, сорвав тонкую полосу бумаги, аккуратно наклеенную на стену и полностью имитировавшую штукатурку. Под ней открылась небольшая стальная дверца.

– Ни фига себе! Откуда знал?!

– Учуял.

– Ну ты даешь!!! – Ушастый стукнул по дверце ломиком. – Не знаю, смогу ли открыть, давно не работал с сейфами. Однако попробую. – Он минут пятнадцать возился с замком, наконец удовлетворенно крякнул: – Сейфик простенький, а что внутри? Опять рыжье! Но тут вещички покруче. Вон как камешки горят. Сразу видно, брюлики. Гляди! – Внимательно посмотрел на Валька. – Скажи, кореш, как это получилось?

– Не знаю, – недоуменно произнес Валек, – как-то само собой.

– Ищи дальше!

Они рылись в доме еще с полчаса, но ничего особо существенного больше не сыскали. В платяном шкафу между стопками белья Валек нашел аккуратно завернутые в газету пять тысяч рублей, а в шкатулке возле зеркала еще тысячу и немного золота: пару обручальных колец, серьги в виде полумесяцев, часики на браслетике.

– Его бабы, должно, цацки, – предположил Ушастый. – Похоже, все, а если где еще есть, то нам не найти, время поджимает. В натуре, братан! Мы богачи! – заорал он. – Гляди! – он указал рукой на кучу купюр и изрядную горку золота, лежащие на столе. – Бабок, на глазок, тысяч триста, и рыжье! Я мерекаю, его вдвое против бабок. Так это сколько же получается? Лимон! В натуре – лимон! Валек!!! Ладушки. Кончаю базар. Раздербаним после, а сейчас я бабульки кидаю в сидор, а ты цацки тасуй по косарям. И погнали!

Ушастый стал заталкивать деньги в мешок, а Валек рассовал золото по карманам.

– И почему нынче бабки такие длинные, вон сотня – ну что твоя портянка. Червонцы в руки взять приятно – хрустят, как капуста, не зря бабки еще капустой называют.

– Скажи, Михалыч, как думаешь, почему барыгу раньше никто не двинул? – спросил Валек, ощупывая враз потяжелевшие карманы.

– А хрен его знает. Я и сам кумекал. Почему, думал, этого фраера позорного никто до сей поры не обул? Ведь деловые о нем знали. Да что знали, ходили к нему, барахло тащили, золотишко опять же… Ведь не бобиков же боялись? А может, он вовсе и не фраер, может, он в авторитете? Может, он казначей. Общак держал… Тогда тоже непонятно. Рыба к нему за помощью обратился, а он кинул. Почему? Рыба – вор, значит, ему обязаны были помочь. Может, он не в законе, может, он – сука? Темное дело. Но если этот бык дознается, что наша это работа, что мы его двинули, нам вилы. Авось не дознается. Завтра двигаем к теплым морям, а, кореш?

– Посмотрим, – неопределенно сказал Валек.

– Верно! Не хрен гундеть, пока дело не слажено. Рвем когти. – Ушастый еще раз бросил взгляд на разгром, учиненный в доме, и усмехнулся: – Рыба был бы доволен, но мы ему не скажем.

Они вышли из дома.

– Теперь так, – скомандовал Ушастый, – как выйдем за калитку, ты – налево, я – направо. Завтра забиваем стрелку в шалмане.

– Мне с утра на пахоту.

– После смены, скажем, в шесть.

– Лады. – Валек огляделся. Три мертвые собаки валялись под палящим солнцем, и он неожиданно пожалел ни в чем не повинных животных, ставших жертвами жадности и злобы.

В этот миг ему неожиданно стало не по себе. Внезапно сильно закружилась голова, да так, что он покачнулся и невольно поднес ладони к вискам.

– Ты чё? – спросил Ушастый.

Валек потряс головой, как будто пришел в себя, но тут случились еще более невероятные вещи. Ему вдруг показалось, что одна из собак зашевелилась.

– Михалыч! – крикнул он. – Глянь!

Ушастый повернул голову и застыл, точно истукан, разинул рот и вытаращенными глазами взирал на происходящее.

Теперь все три собаки поднялись с бетона и стали медленно приближаться к грабителям. Из полуоткрытых пастей стекали черные струйки крови, и, странное дело, глаза у собак были закрыты, а двигались они рывками, словно направляемые чьей-то невидимой рукой!

– Атас! – закричал Ушастый. – На выход!!!

Он рванулся к калитке, но одна из собак совершила невероятный прыжок и отрезала ему путь. Она издала низкое утробное ворчание и обнажила огромные желтые клыки.

– Падла! – Ушастый достал финку и бросился к собаке. Но в это время сзади ему на плечи прыгнули две остальные.

– Валек!!! – заорал Ушастый. – Помоги!

Но Валек окаменел, словно соляной столб, и очумело смотрел на происходящее. К нему самому псы не проявляли никакого интереса.

Сбитый собаками, Ушастый рухнул на бетон, а они остервенело рвали ему спину. Ушастый скорчился, закрыл голову руками и что-то невнятно прохрипел. Неожиданно две собаки отскочили в сторону, а та, что загораживала калитку, рванулась вперед и с разбегу ударила огромной головой в бок Ушастому. Тот охнул и повалился навзничь. И тогда она вдруг длинно и тоскливо взвыла и одним движением чудовищных челюстей вырвала старому вору горло.

Валек от страха закрыл глаза, а когда вновь открыл, то увидел, что собаки неподвижно валяются на дворе, как и пару минут назад. Но и Ушастый лежит на бетоне, зажимая рукой распоротое горло.

Валек бросился к нему, но глаза Ушастого уже начали стекленеть, и лишь нечленораздельный шепот вырвался из заполненного кровью рта.

– За что? – послышалось Вальку. И в этот самый миг он обнаружил, что сжимает в правой руке давешнюю бритву с перламутровой ручкой, которую он так и не отыскал в квартире у старухи.

Взвизгнув от ужаса, Валек опрометью, не разбирая дороги, бросился бежать прочь.

ГЛАВА 6

Уже неделю сотрудник лаборатории по изучению ассоциативных реакций Валерий Яковлевич Жданко испытывал на себе все прелести командировочного бытия. Сейчас он в одних трусах лежал поверх застеленной кровати в гостиничном номере и тупо смотрел в потолок. В окно назойливо билась здоровенная синяя муха, и хотелось встать и прикончить зловредную тварь газетой или хотя бы растворить окно. Но на улице царила такая жара, что с закрытым окном в номере было все же чуть прохладнее.

Несмотря на малый срок пребывания в нем, Тихореченск успел смертельно надоесть Валере. До сих пор он никуда из Москвы не выезжал, если не считать двух поездок в детстве в Крым и на Кавказ вместе с родителями. Валере опротивели жара, пыльные грязноватые улицы, обрыдло питаться в каких-то забегаловках. Он хотел домой к маме и бабушкиным пирогам с ливером, к вкуснейшей жареной картошке, а главное – к привычному комфорту и уюту. Валера успокаивал себя, мысленно повторяя, какое огромное значение придается в лаборатории его командировке, однако в глубине души сознавал, что, если дело действительно столь серьезно, послали бы профессионала, опытного и знающего.

За двое суток езды поездом от Москвы до Тихореченска Жданко беспрестанно повторял про себя разговор с начальником и содержание туманного послания давно умершему эсэсовцу. Ему казалось, что как только он ступит ногой на землю Тихореченска, тотчас окунется в таинственный мир средневековых тайн, мистических сект и современного шпионажа. В реальности все оказалось скучно и серенько, как те папки, которые он просматривал в архиве местного отделения КГБ и в милиции, благо сотрудники этих ведомств оказались предупреждены о его приезде и препятствий не чинили. Но это были всего лишь пыльные архивы, которые успели опротиветь и в Москве.

За несколько дней изысканий удалось узнать следующее.

С конца 30-х годов и по сей день в Тихореченске проживали пять человек с фамилией Десантовы.

Десантов Илья Осипович и Десантова Елизавета Петровна – муж и жена – были репрессированы в 1949 году по статье 58, получили по десять лет и сгинули в лагерях. Десантова Аглая Осиповна, родная сестра Ильи Осиповича, умерла в 1956 году. Двое детей Десантовых: Валентин Ильич и Екатерина Ильинична – проживают в городе и по сей день. Валентин Десантов имеет две судимости, сейчас работает на местном машиностроительном заводе, характеризуется положительно; Екатерина Десантова носит фамилию мужа – Гриценко, замужем три года, работает медицинской сестрой в городской больнице, имеет сына.

И что из всего этого следует?

Никаких странных происшествий вокруг этого семейства не замечено. Обычная судьба, как и у миллионов советских граждан.

Вначале Валере показалось, что все ответы дадут папки со следственными делами на мужа и жену Десантовых – скорее всего именно тех, кто должен был организовать встречу таинственных близнецов. Но и там ничего особенного не содержалось. Илья Осипович Десантов прибыл в Тихореченск в марте 1938 года вместе с женой и двумя малолетними детьми, мальчиком и девочкой. Семейство приехало в Тихореченск из города на Неве, скорее всего – в добровольно-принудительном порядке, но не в ссылку, а на работу. Местные советские органы, основательно почищенные в 1937 году, испытывали нехватку кадров, вот и прислали на подмогу людей, по-видимому, не совсем угодных во второй столице.

Илья Осипович возглавил в местном горисполкоме общий отдел, а Елизавета Петровна поставлена директором школы, сестра Ильи Осиповича Аглая некоторое время работала меди-

цинской сестрой в городской больнице, а в 1939 году уволилась и занялась воспитанием племянников.

С началом войны Илью Осиповича на фронт не взяли по причине отсутствия левого глаза. Вплоть до самого ареста он так и проработал в исполкоме городского Совета.

В 1949 году, в августе, Десантовых арестовали. Обвинялись они в сокрытии социального происхождения, подделке документов и чуть ли не в шпионаже. Отправной точкой в возбуждении дела явилось анонимное письмо, в котором сообщалось, что Десантов (сын подданного Итальянского королевства и настоящая его фамилия Де Санти) обманом проник в советские органы, скрыв свое происхождение и изменив фамилию. Кроме того, и он и его жена замечены в антисоветских разговорах и пренебрежительных высказываниях в адрес товарища Сталина. Так, жена Десантова Елизавета Петровна якобы в частной беседе в школе сказала, что войну с немцами выиграл вовсе не товарищ Сталин, а народ, вернее, «пушечное мясо», которого в России всегда было вдосталь. Народ никто никогда не жалел, утверждала она и приводила слова царя Николая I – «новых нарожают». При этом Десантова проводила параллель между царями и большевиками, заявив: «Хоть цвет флага и сменился, а народ как был быдлом, так и остался».

Во время допросов Илья Осипович Десантов признался, что его отец действительно был подданным Итальянского королевства, хотя и умер еще до революции. Кроме того, он сообщил, что род Де Санти прибыл в Россию в самом конце восемнадцатого века, а именно в 1798 году. С тех пор все Де Санти проживали в Санкт-Петербурге и лишь номинально являлись иностранными подданными. По словам Десантова, они всегда честно служили Российской империи, что и было подчеркнуто следователем. В 1928 году во время получения паспорта Илья Осипович изменил фамилию Де Санти на Десантов, по его словам, вполне легально, ничего не скрывая и не подделывая, кроме того, он официально принял подданство РСФСР. В двадцатых годах Десантов трудился в ленинградском порту в качестве инженера-механика, на производстве потерял глаз и перешел на административно-хозяйственную работу. В 1931 году вступил в ВКП(б), причем при приеме вовсе не скрывал своего происхождения. Тут следователь довольно резонно отмечает, что весьма сомнителен прием в партию лица дворянского происхождения. Однако установить истину не удалось, поскольку на запрос в Ленинград получен ответ: «Большая часть партархива ленинградского порта сгорела во время войны».

Десантов сообщил, что уже подвергался проверкам органов в 1934 и в 1937 годах. Следователь также подчеркнул эти сведения красными чернилами. Ни в каких антисоветских разговорах ни сам Десантов, ни его жена не признались, тем более отвергли они и обвинение в шпионаже в пользу Италии, назвав это абсурдом.

Валера вспомнил, что в конце 40-х годов велась активная борьба с так называемыми космополитами. Видимо, предположил он, эти Десантовы попали под вал очередной кампании. Он долго рассматривал фотографии Десантова и его жены, представленные в следственных делах. Обычные интеллигентные лица, правильные черты лица. Елизавета Петровна даже красива. И в их жизнях нет ничего необычного, сколько таких судеб по огромной стране. Лишь один момент заставляет насторожиться. И ребята Десантовых, и таинственные дети, сопровождаемые Пеликаном, – близнецы. Кстати, о Пеликане. Лица с такой фамилией в городе не проживали. Тоже тупик.

Вначале Валера намеревался посетить Десантовых. Но чем дольше он изучал дела их родителей, тем все меньше оставалось желания сделать это. Допустим, он явится. И что скажет? Начнет расспрашивать о родителях? Но что они знают? В момент ареста им было по тринадцать лет. Поинтересуется, не они ли близнецы Пеликана? В лучшем случае его поднимут на смех, в худшем – спустят с лестницы. Остается купить билет на поезд и покинуть пыльную дыру, именуемую областным центром. Возложенную на него миссию он выполнил, почерпну-

тые сведения изложит в отчете… Изложит?.. А что, собственно, излагать? Он поморщился. Этого ли от него ждут? Ведь зачем-то сюда с другого края Европы привезли детей?

Для чего? Где, в конце концов, эти дети? Валентин и Екатерина Десантовы? Допустим. И что они собой представляют? Один – бандит. Первый раз попался на квартирной краже, второй – на хулиганстве. Другая – медсестра, работает в больнице, воспитывает сына, готовит мужу борщи. Валера хмыкнул. При чем тут розенкрейцеры? Впрочем, отсутствие информации тоже информация. Все верно. Но это пустышка. Валере страстно хотелось отличиться, а как тут отличишься? Наоборот, могут посчитать за болвана. И тогда до конца жизни придется болтаться по архивам, переписывать пыльные бумажки или брать показания у сумасшедших старух.

И в тот момент, когда молодой специалист Валерий Яковлевич Жданко предавался невеселым размышлениям, зазвонил телефон. Валера продолжал безучастно лежать на кровати – кто ему может звонить? Знакомых он в городе не завел. Телефон звонил не переставая. Валера лениво спустил на пол ноги и прошлепал к тумбочке, на которой стоял аппарат.

– Товарищ Жданко? – услышал он в трубке женский голос.

– Я.

– С вами говорит дежурная по гостинице. Для вас тут письмо…

– Какое письмо? – слегка удивился Валера. – От кого?

– Не знаю уж, от кого, – в голосе дежурной послышалось легкое раздражение, – спуститесь и заберите.

На запечатанном конверте было написано: «Постояльцу номера 27».

– В номере двадцать седьмом проживаете только вы, – сказала дежурная, – значит, и письмо вам.

– А кто принес?

– Паренек. Положил на стол и убежал…

Валера взял письмо и отправился к себе.

В номере он вскрыл конверт.

Аккуратным крупным почерком на листке, вырванном из тетради в клеточку, было написано:

«Уважаемый товарищ следователь!

Вы ищете совсем не тех и совсем не там. Интересующие вас личности проживают по адресу: улица Кирова, дом 12, квартира 8 и носят фамилию Донские».

Письмо не было подписано.

«Ой-ой! – с ужасом подумал Валера, растерянно вертя листок в надежде отыскать еще какие-нибудь строки. – Дело-то вовсе не так просто. Неужели за мной следили? А может быть, письмо предназначено вовсе и не мне? Написано: «…товарищ следователь». Разве я следователь? Наверное, ошибка…» Он поспешно сбежал вниз и подошел к столику дежурной.

– Письмо вовсе не мне, – сказал он, пытаясь вернуть конверт.

– Да вам! – раздражаясь еще больше, пробурчала дежурная. – Этот пацан, ну, который принес конверт, сказал: «Отдайте рыжему из двадцать седьмого…» Вам, значит. – Она усмехнулась: – Или вы не рыжий?

– А что он еще сказал?

– Больше ничего.

Жданко медленно пошел назад. Итак, дело получило новый толчок. Несомненно, за ним следили. Но как узнали о его задании? А, собственно, так ли это сложно… Он побывал в разных учреждениях: в КГБ, милиции, паспортном столе, отделе кадров городской поликлиники, городском архиве… Общался с десятком людей. Никакого секрета из своих поисков не делал. Так что информация вполне могла достигнуть ушей заинтересованных лиц. Тот, кто написал письмо, наверняка заинтересованное лицо.

Но в чем заинтересованное? Помочь ему или, напротив, отвести подозрение от Десантовых. Хотя аноним выдал достаточно исчерпывающую информацию. Причем нейтральную, без всяких оценок и намеков. Мол, ищи по этому адресу.

Валера подошел к окну, в которое все так же тупо билась муха, распахнул створки и щелчком подарил мухе свободу. С улицы пахнуло зноем. Валера сплюнул и отправился в столовую. Новый поворот событий внезапно вызвал приступ голода.

Оказывается, дачная жизнь полна прелестей. К такому выводу пришел Егор Олегов, пребывая на сельских просторах уже более двух недель. О бумажках, найденных на чердаке, он и думать забыл. Нега, истинная нега укутала его густым сладким флером. Праздник души, именины сердца…

Спали сколько вздумается, потом завтрак, что-нибудь простое, крестьянское – стакан сметаны, кринка простокваши, кусок свежеиспеченного деревенского хлеба с зеленым, хрустящим на зубах луком; а дальше – в лес или на луг. Упадешь среди разнотравья, откинешься на спину и смотришь в бездонную синеву, на белоснежные башни облаков, несущихся неведомо куда. Рядом, вокруг тебя, кипит жизнь: снуют в траве муравьи; пестрые жучки ползают по лицу и по рукам; гудят, перелетая с цветка на цветок, полосатые шмели. Яркие, словно фантики от конфет, бабочки порхают над головой. Он усмехнулся своей нелепой ассоциации. Впрочем, так ли уж нелепой. «Бабочка» – уменьшительно-ласкательное от «баба». Красивая, молодая женщина… Сладкая и желанная… Именно сладкая.

Вдруг вспомнил о бане. В последнее время ему так понравилось это нехитрое удовольствие, что он готов париться хоть каждый день, но, конечно, не один, а с Людмилой. Мокрые тела поблескивают в неясном свете горящей на притолоке свечи. Шлепки, хихиканье, пряный запах березовых веников…

И еще одна и вовсе удивительная страсть овладела Егором. Он вдруг заделался рыболовом. И это человек, который до сей поры ни разу не брал в руки удочку. Первые азы рыболовной науки преподал ему сын. Раз отправились на Лихое озеро. Мальчик нес удилище, представлявшее собой длинный ореховый прут с привязанной к нему леской из конского волоса. На леске имелся и поплавок, сделанный из гусиного пера и пробки.

– Рыбу удить собираешься? – довольно равнодушно поинтересовался Егор.

– Ага. Говорят, на Лихом окуни здоровые клюют.

– А на что ловить будешь?

– В огороде червей накопал, еще утром. – И он показал консервную банку, полную жирной черной земли.

– Где же ты удочку взял?

– На перочинный ножик сменял у Кольки. Ножик все равно поломанный. Колька – деревенский… Он про озеро и рассказал. В камышах, говорил, ловить нужно – вот сегодня и попробую.

– Поймай мне, Вася, рыбку, – попросила дочь, тоже шедшая с ними, – я ее в бочку с водой посажу, пускай в бочке плещется.

– Зачем в бочку, – сказал практичный Вася, – мы из нее уху сварим. Ты, Танька, уху любишь?

– Не знаю, – неуверенно произнесла дочь, – наверное, люблю, только я ее не ела…

– Из одного окуня уху не сваришь, – объяснил Егор.

– Да я много наловлю!

– Плохо верится, – засомневался Егор.

Озеро находилось довольно далеко от их дома, но было так красиво, что Егор и дети, несмотря на расстояние, бывали здесь уже не раз. С трех сторон озеро окружал густой лес, а с четвертой – обширный луг, сплошь заросший осокой и камышом. Между зарослями имелись

узкие прогалины, ведущие на чистую воду. В одном месте на берегу лежал прогнивший челн, почти полностью покрытый ярко-зеленым мхом. Возле него и остановились.

– Ну давай, – иронически сказал Егор сыну, – лови рыбку большую и маленькую, а мы посмотрим. – Он улегся на горячий песок и стал наблюдать.

Вася достал из банки яркого красно-фиолетового червяка, с удивившей Егора ловкостью насадил его на ржавый крючок и закинул удочку.

Поплавок закачался на нефритовой воде и застыл, застыла и вся природа. На секунду Олегову показалось, что время остановилось. Острые стебли камыша перестали шелестеть, вода будто превратилась в сине-зеленый лед, воздух замер. Все кругом словно затаилось в ожидании, настороженно взирая на пришельцев.

Ощущение остановки времени развеяла громадная голубая стрекоза, севшая прямо на верхушку поплавка.

– Вот зараза, – сквозь зубы сказал мальчик, и Олегов отметил чисто деревенское происхождение выражения.

Вдруг поплавок резко ушел в глубину озера.

Таня открыла рот, а Егор приподнялся на локте с песка и с интересом стал ждать продолжения.

Мальчик резко дернул удилище, и крупный красивый окунь затрепыхался на берегу.

– Ой! – завопила дочь. – Поймал!..

– А что я говорил? – с достоинством произнес Вася. – Это только начало.

И действительно, через час на берегу, в выкопанной дочерью ямке, шлепало хвостами штук восемь изрядных окуней!

Внезапно клев оборвался, и сколько Вася ни закидывал удочку, сколько ни менял место, рыба больше не ловилась.

– Да как же мы их домой понесем? – недоуменно спросил Егор, кивая на окуней. – Ведь ни сумки, ни мешка…

– Эх, папа, – словно несмышленышу сказал Вася, – да очень просто, кукан сделаем. – Он сломал камышину, продел ее сквозь жабры рыбешек и гордо потряс перед носом отца. – На уху хватит.

И действительно хватило.

– Послушай, Василий, – с некоторым смущением вечером обратился Олегов к сыну, – ты не мог бы одолжить мне свое удилище?

– Зачем? – удивился мальчик.

– Понимаешь, я тоже попробовать хочу.

– Так пойдем завтра вместе?

– Я для начала попробую без посторонних, если ты, конечно, не возражаешь?

На другое утро Олегов встал очень рано, накопал червей и отправился на Лихое озеро. С куканом он решил не возиться, а взял с собой небольшое ведерко. Может быть, новичку действительно везет, но до обеда, несмотря на некоторую неловкость, Олегов наловил раза в три больше, чем сын в прошлый раз. С того дня он стал заядлым рыбаком. Сам соорудил себе удилище, изготовил поплавок по образцу поплавка на удочке сына и только крючки купил в сельмаге, а леску ему принес Вася, добыл ее все у того же Кольки.

На озеро ходили почти каждый день. Клевали в основном окуни и плотвички. Но и такой добыче все были рады.

Как-то утром Олегов пришел на озеро один и увидел на берегу незнакомого рыбака. Обычно на озере бывало совсем пустынно, и присутствие постороннего человека немного огорчило Егора. Он привык считать озеро своим, с ревностью относился к посторонним рыболовам, даже мальчишкам. В этот раз клевало совсем плохо, и Егор хотел уже уходить, но, посматривая в сторону рыбака, увидел, что тот вытащил какую-то крупную рыбину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.